

Оскар Уайльд

КЕНТЕРВУЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

 Bilinguator

Оскар Уайльд
Кентервильское привидение
Oscar Wilde
El fantasma de Canterville

Глава первая

Когда мистер Хайрем Б. Оутис, американский посланник, решил купить Кентервильский замок, все стали его уверять, что он делает ужасную глупость: было достоверно известно, что в замке обитает привидение.

Сам лорд Кентервиль, человек донельзя щепетильный, даже когда дело касалось пустяков, не преминул при составлении купчей предупредить об этом мистера Оутиса.

— Мы стараемся приезжать сюда как можно реже, — сказал лорд Кентервиль. — И это с тех самых пор, как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Она переодевалась к обеду, и вдруг ей на плечи опустились две костлявые руки. Не скрою от вас, мистер Оутис, что привидение это являлось и многим ныне здравствующим членам моей семьи. Его видел также наш приходский священник, преподобный Огастус Дэмпиер, член совета Королевского колледжа в Кембридже.

После этой неприятности с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи в коридоре и библиотеке.

— Что ж, милорд, — ответил посланник, — я беру привидение вместе с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть всё, что можно купить за деньги. К тому же учтите — молодёжь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди увозят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в разъездном паноптикуме.

Capítulo I

Cuando míster Hiram B. Otis, el ministro de América, compró Canterville-Chase, todo el mundo le dijo que cometía una gran necedad, porque la finca estaba embrujada.

Hasta el mismo lord Canterville, como hombre de la más escrupulosa honradez, se creyó en el deber de participárselo a míster Otis, cuando llegaron a discutir las condiciones.

—Nosotros mismos —dijo lord Canterville— nos hemos resistido en absoluto a vivir en ese sitio desde la época en que mi tía abuela, la duquesa de Bolton, tuvo un desmayo, del que nunca se repuso por completo, motivado por el espanto que experimentó al sentir que dos manos de esqueleto se posaban sobre sus hombros, estando vistiéndose para cenar. Me creo en el deber de decirle, míster Otis, que el fantasma ha sido visto por varios miembros de mi familia, que viven actualmente, así como por el rector de la parroquia, el reverendo Augusto Dampier, agregado del King's College, de Oxford.

Después del trágico accidente ocurrido a la duquesa, ninguna de las doncellas quiso quedarse en casa, y lady Canterville no pudo ya conciliar el sueño, a causa de los ruidos misteriosos que llegaban del corredor y de la biblioteca.

—Mi lord —respondió el ministro—, adquiriré el inmueble y el fantasma, bajo inventario. Llego de un país moderno, en el que podemos tener todo cuanto el dinero es capaz de proporcionar, y esos mozos nuestros, jóvenes y avisados, que recorren de parte a parte el viejo continente, que se llevan los mejores actores de ustedes, y sus mejores «prima donnas», estoy seguro de que si queda todavía un verdadero fantasma en Europa vendrán a buscarlo enseguida para colocarlo en uno de nuestros museos públicos o para pasearle por los caminos como un fenómeno.

El fantasma de Canterville

— Боюсь, что Кентервильское привидение всё-таки существует, — сказал улыбаясь лорд Кентервиль, — хоть оно, видимо, и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импресарио. О его существовании известно уже добрых триста лет, — а если быть точным, с тысяча пятьсот восемьдесят четвёртого года, — и оно неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

— Ну, лорд Кентервиль, домашний врач тоже всегда появляется в подобных случаях. Уверяю вас, сэръ, никаких привидений не существует, и законы природы, я полагаю, для всех одни — даже для английской аристократии.

— Вы, американцы, ещё так близки к природе! — отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Оутиса. — Что ж, если вас устраивает дом с привидением, то всё в порядке. Только не забудьте, я вас предупреждал.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посланник с семьёй переехали в Кентервильский замок.

Миссис Оутис, которая в своё время — ещё под именем мисс Лукреции Р. Тэппен с 53-й Западной улицы — славилась в Нью-Йорке своей красотой, была теперь дамой средних лет, всё ещё весьма привлекательной, с чудесными глазами и точёным профилем.

—El fantasma existe, me lo temo —dijo lord Canterville, sonriendo—, aunque quizá se resiste a las ofertas de los intrépidos empresarios de ustedes. Hace más de tres siglos que se le conoce. Data, con precisión, de mil quinientos setenta y cuatro, y no deja de mostrarse nunca cuando está a punto de ocurrir alguna defunción en la familia.

—¡Bah! Los médicos de cabecera hacen lo mismo, lord Canterville. Amigo mío, un fantasma no puede existir, y no creo que las leyes de la Naturaleza admitan excepciones en favor de la aristocracia inglesa.

—Realmente son ustedes muy naturales en América —dijo lord Canterville, que no acababa de comprender la última observación de míster Otis—. Ahora bien: si le gusta a usted tener un fantasma en casa, mejor que mejor. Acuérdesse únicamente de que yo le previne.

Algunas semanas después se cerró el trato, y a fines de estación el ministro y su familia emprendieron el viaje a Canterville.

Mistres Otis, que con el nombre de miss Lucrecia R. Tappan, de la calle West, 52, había sido una ilustre «beldad» de Nueva York, era todavía una mujer guapísima, de edad regular, con unos ojos hermosos y un perfil soberbio.

Кентервильское привидение

Многие американки, покидая родину, напускают на себя вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утончённости, но миссис Оутис этим не грешила. Она отличалась прекрасным здоровьем и совершенно фантастическим избытком энергии. Право, её нелегко было отличить от настоящей англичанки, и её пример лишний раз подтверждал, что между нами и Америкой удивительно много общего — практически всё, кроме, разумеется, языка.

Старший из сыновей, которому родители в порыве патриотизма дали имя Вашингтон, — о чём он никогда не переставал сожалеть, — был светловолосым молодым человеком довольно приятной наружности, готовившимся занять достойное место в американской дипломатии, свидетельством чего был тот факт, что он три сезона подряд лихо отплясывал в ньюпортском [Ньюпорт — в прошлом модный курорт в штате Род-Айленд.] казино котильон [Котильон — сложный фигурный танец для нескольких пар, из которых первая пара — ведущая.], неизменно выступая в первой паре, и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора.

У него были две слабости — гадения и геральдика, а во всём остальном он отличался удивительным здравомыслием.

Мисс Вирджинии Е. Оутис шёл шестнадцатый год. Это была стройная, грациозная, как лань, девочка с большими, ясными голубыми глазами.

Muchas damas americanas, cuando abandonan su país natal, adoptan aires de persona atacada de una enfermedad crónica, y se figuran que eso es uno de los sellos de distinción de Europa; pero mistress Otis no cayó nunca en ese error. Tenía una naturaleza magnífica y una abundancia extraordinaria de vitalidad. A decir verdad, era completamente inglesa bajo muchos aspectos, y hubiese podido citársela en buena lid para sostener la tesis de que lo tenemos todo en común con América hoy día, excepto la lengua, como es de suponer.

Su hijo mayor, bautizado con el nombre de Washington por sus padres, en un momento de patriotismo que él no cesaba de lamentar, era un muchacho rubio, de bastante buena figura, que se había erigido en candidato a la diplomacia, dirigiendo un cotillón en el casino de Newport durante tres temporadas seguidas, y aun en Londres pasaba por ser bailarín excepcional.

Sus únicas debilidades eran las gadenias y la patria; aparte de esto, era perfectamente sensato.

Miss Virginia E. Otis era una muchachita de quince años, esbelta y graciosa como un cervatillo, con un bonito aire de despreocupación en sus grandes ojos azules.

El fantasma de Canterville

Она прекрасно ездил верхом и однажды, уговорив старого лорда Билтона проскакать с ней два раза наперегонки вокруг Гайд-парка, первая оказалась у статуи Ахиллеса, обойдя лорда на своём пони на целых полтора корпуса, чем привела юного герцога Чеширского в такой восторг, что он немедленно сделал ей предложение и вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон.

У Вирджинии было также двое младших братьев-близнецов, которых прозвали «звёздно-полосатыми» [«Звёздно-полосатый» — название государственного флага США.], поскольку их без конца пороли, — очень славные мальчики, к тому же единственные в семье убеждённые республиканцы, если, конечно, не считать самого посланника.

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте было целых семь миль, но мистер Оутис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличнейшем расположении духа. Стоял прекрасный июльский вечер, и воздух был напоён тёплым ароматом соснового бора. Время от времени до них доносилось нежное воркование лесной горлицы, упивавшейся своим собственным голосом, в шелестящих зарослях папоротника то и дело мелькала пёстрая грудь фазана.

С высоких буков на них поглядывали белки, казавшиеся снизу совсем крошечными, а притаившиеся в низкой поросли кролики, завидев их, удирали по мшистым кочкам, подёргивая своими короткими белыми хвостиками.

Era una amazona maravillosa, y sobre su «poney» derrotó una vez en carreras al viejo lord Bilton, dando dos veces la vuelta al parque, ganándole por caballo y medio, precisamente frente a la estatua de Aquiles, lo cual provocó un entusiasmo tan delirante en el joven duque de Cheshire, que la propuso acto continuo el matrimonio, y sus tutores tuvieron que expedirle aquella misma noche a Elton, bañado en lágrimas.

Después de Virginia venían dos gemelos, conocidos de ordinario con el nombre de Estrellas y Bandas, porque se les encontraba siempre ostentándolas. Eran unos niños encantadores, y, con el ministro, los únicos verdaderos republicanos de la familia.

Como Canterville-Chase está a siete millas de Ascot, la estación más próxima, míster Otis telegrafió que fueran a buscarle en coche descubierto, y emprendieron la marcha en medio de la mayor alegría. Era una noche encantadora de julio, en que el aire estaba aromado de olor a pinos. De cuando en cuando oíase a una paloma arrullándose con su voz más dulce, o entreveíase, entre la maraña y el fru-fru de los helechos, la pechuga de oro bruñido de algún faisán.

Ligeras ardillas los espiaban desde lo alto de las hayas a su paso; unos conejos corrían como exhalaciones a través de los matorrales o sobre los collados herbosos, levantando su rabo blanco.

Кентервильское привидение

Но не успели они выехать на аллею, ведущую к Кентервильскому замку, как небо вдруг заволкло тучами и воздух сковала странная тишина. Над головой у них бесшумно пролетела огромная стая грачей, и, когда они подъезжали к дому, большими редкими каплями начал накрапывать дождь.

На ступеньках их поджидала опрятная старушка в чёрном шёлковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Амни, домоправительница, которую миссис Оутис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности.

Она сделала глубокий реверанс перед каждым из членов семьи и церемонно, по-старинному, промолвила:

— Милости просим в Кентервильский замок!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав величественный холл в стиле тюдор, очутились в библиотеке — длинной и низкой комнате, обшитой чёрным дубом, с большим витражом напротив двери. Здесь уже всё было приготовлено к чаю. Сбросив с себя плащи и шали, они уселись за стол и, пока миссис Амни разливала чай, принялись осматриваться вокруг.

Вдруг миссис Оутис заметила на полу возле камина потемневшее от времени красное пятно и, не в состоянии себе объяснить, откуда оно могло появиться, спросила у миссис Амни:

— Наверное, там было что-то пролито?

— Да, мадам, — ответила старая экономка приглушённым голосом, — на этом месте была пролита кровь.

— Какой ужас! — воскликнула миссис Оутис. — Мне не хотелось бы, чтобы в моей гостиной были пятна крови. Его нужно сейчас же убрать!

Sin embargo, no bien entraron en la avenida de Canterville-Chase, el cielo se cubrió repentinamente de nubes. Un extraño silencio pareció invadir toda la atmósfera, una gran bandada de cornejas cruzó calladamente por encima de sus cabezas, y antes de que llegasen a la casa ya habían caído algunas gotas.

En los escalones se hallaba para recibirles una vieja, pulcramente vestida de seda negra, con cofia y delantal blancos. Era mistress Umney, el ama de gobierno que mistress Otis, a vivos requerimientos de lady Canterville, accedió a conservar en su puesto.

Hizo una profunda reverencia a la familia cuando echaron pie a tierra, y dijo, con un singular acento de los buenos tiempos antiguos:

—Les doy la bienvenida a Canterville-Chase.

La siguieron, atravesando un hermoso hall, de estilo Tódor, hasta la biblioteca, largo salón espacioso que terminaba en un ancho ventanal acristalado. Estaba preparado el té. Luego, una vez que se quitaron los trajes de viaje, sentáronse todos y se pusieron a curiosear en torno suyo, mientras mistress Umney iba de un lado para el otro.

De pronto, la mirada de mistress Otis cayó sobre una mancha de un rojo oscuro que había sobre el pavimento, precisamente al lado de la chimenea y, sin darse cuenta de sus palabras, dijo a mistress Umney:

—Veo que han vertido algo en ese sitio.

—Sí, señora —contestó mistress Umney en voz baja —. Ahí se ha vertido sangre.

—¡Es espantoso! —exclamó mistress Otis—. No quiero manchas de sangre en un salón. Es preciso quitar eso inmediatamente.

El fantasma de Canterville

Старушка улыбнулась и ответила всё тем же таинственным полушёпотом:

— Вы видите кровь леди Элеоноры де Кентервиль, убитой на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Саймоном де Кентервилем.

Сэр Саймон пережил её на девять лет, а потом внезапно исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это пятно, и смыть его никак невозможно.

— Ерунда! — уверенно произнёс Вашингтон Оутис. — «Образцовый пятновыводитель и очиститель» фирмы «Пинкертон» удалит его в два счёта.

И не успела испуганная экономка ему помешать, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленьким круглым бруском, похожим на губную помаду, только чёрную. Не прошло и минуты, как от пятна и следа не осталось.

— «Пинкертон» никогда не подведёт! — с торжествующим видом воскликнул юноша, обернувшись к восхищённому семейству. Но едва он произнёс эти слова, как ужасающая вспышка молнии озарила полутёмную комнату, и последовавший за ней оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни лишилась чувств.

— Какой здесь отвратительный климат, — с невозмутимым видом проговорил американский посланник, закуривая сигару. — Добрая старая Англия до того перенаселена, что даже приличной погоды на всех не хватает. Я всегда придерживался мнения, что эмиграция — единственное спасение для Британии.

La vieja sonrió, y con la misma voz baja y misteriosa, respondió:

—Es sangre de lady Leonor de Canterville, que fue muerta en ese mismo sitio por su propio marido, sir Simón de Canterville, en mil quinientos sesenta y cinco.

Sir Simón la sobrevivió nueve años, desapareciendo de repente en circunstancias misteriosísimas. Su cuerpo no se encontró nunca, pero su alma culpable sigue embrujando la casa. La mancha de sangre ha sido muy admirada por los turistas y por otras personas, pero quitarla, imposible.

—Todo eso son tonterías —exclamó Washington Otis—. El producto «quitamanchas», el limpiador incomparable del «campeón Pinkerton» hará desaparecer eso en un abrir y cerrar de ojos.

Y antes de que el ama de gobierno, aterrada, pudiera intervenir, ya se había arrodillado y frotaba vivamente el entarimado con una barrita de una sustancia parecida al cosmético negro. A los pocos instantes la mancha había desaparecido sin dejar rastro.

—Ya sabía yo que el «Pinkerton» la borraría — exclamó en tono triunfal, paseando una mirada circular sobre su familia, llena de admiración. Pero apenas había pronunciado esas palabras, cuando un relámpago formidable iluminó la estancia sombría, y el retumbar del trueno levantó a todos, menos a mistress Umney, que se desmayó.

—¡Qué clima más atroz! —dijo tranquilamente el ministro, encendiendo un largo veguero—. Creo que el país de los abuelos está tan lleno de gente, que no hay buen tiempo bastante para todo el mundo. Siempre opiné que lo mejor que pueden hacer los ingleses es emigrar.

Кентервильское привидение

— Дорогой Хайрем, — сказала миссис Оутис, — что нам с ней делать, если она чуть что примется падать в обморок?

— Удерживай у неё из жалованья, как за битьё посуды, — ответил посланник, — и вскоре она избавится от этой привычки.

И правда, через две-три секунды миссис Амни очнулась. Впрочем, у неё был явно обиженный вид, и она, упрямо поджав губы, заявила мистеру Оутису, что в этот дом скоро придёт беда.

— Сэр, — сказала она, — мне доводилось здесь видеть такое, от чего у всякого христианина волосы могли бы встать дыбом, и те ужасные вещи, которые здесь происходят, не давали мне сомкнуть глаза многие и многие ночи.

Но мистер Оутис и его супруга заверили почтенную особу, что они не боятся привидений, и, призвав благословенье Божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо было бы прибавить ей жалованье, старая домоправительница нетвёрдыми шагами удалилась в свою комнату.

Глава вторая

Всю ночь бушевала буря, но ничего из ряда выходящего не произошло. Однако, когда на следующее утро все спустились к завтраку, они снова увидели на полу кровавое пятно.

— В «образцовом очистителе» сомневаться не приходится, — сказал Вашингтон. — На чём я его только не перепробовал — и он ни разу меня не подвёл. Видно, здесь и в самом деле приложило руку привидение.

И он ещё раз вывел пятно, но наутро оно снова появилось на прежнем месте.

—Querido Hiram —replicó mistress Otis—, ¿qué podemos hacer con una mujer que se desmaya?

—Descontaremos eso de su salario en caja. Así no se volverá a desmayar. En efecto, mistress Umney no tardó en volver en sí.

Sin embargo, véase que estaba conmovida hondamente, y con voz solemne advirtió a mistress Otis que debía esperarse algún disgusto en la casa.

—Señores, he visto con mis propios ojos algunas cosas... que pondrían los pelos de punta a cualquier cristiano. Y durante noches y noches no he podido pegar los ojos a causa de los hechos terribles que pasaban.

A pesar de lo cual, míster Otis y su esposa aseguraron vivamente a la buena mujer que no tenían miedo ninguno de los fantasmas. La vieja ama de llaves, después de haber impetrado la bendición de la Providencia sobre sus nuevos amos y de arreglárselas para que le aumentasen el salario, se retiró a su habitación renqueando.

Capítulo II

La tempestad se desencadenó durante toda la noche, pero no produjo nada extraño. Al día siguiente, por la mañana, cuando bajaron a almorzar, encontraron de nuevo la terrible mancha sobre el entarimado.

—No creo que tenga la culpa el «quita manchas» — dijo Washington—, pues lo he ensayado sobre toda clase de manchas. Debe de ser cosa del fantasma.

En consecuencia, borró la mancha, después de frotar un poco. Al otro día, por la mañana, había reaparecido.

El fantasma de Canterville

Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Оутис, прежде чем уйти спать, лично запер библиотеку и забрал с собой ключ.

Теперь проблема привидений интересовала всю семью. Мистер Оутис стал подумывать, не слишком ли он был категоричен, отрицая существование духов; миссис Оутис высказала намерение вступить в Парапсихологическое общество, а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Майерсу и Подмору [Английские учёные Ф. Майерс (1843—1901) и Э. Подмор (1856—1910) способствовали созданию Общества парапсихологических исследований и в соавторстве написали книгу «Духи живых людей» (1886).] касательно долговечности кровавых пятен, связанных с преступлениями.

Если у них и оставались какие-то сомнения в реальности призраков, в ту памятную ночь они рассеялись навсегда.

День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады всё семейство отправилось на прогулку.

Домой они вернулись лишь к девяти часам и сразу же сели за лёгкий ужин.

О привидениях даже речи не заходило, так что присутствующие вовсе не были в том состоянии повышенной восприимчивости, которое часто предшествует материализации духов.

Y, sin embargo, la biblioteca permanecía cerrada la noche anterior, llevándose la llave mister Otis.

Desde entonces, la familia empezó a interesarse por aquello. Mister Otis se hallaba a punto de creer que había estado demasiado dogmático negando la existencia de los fantasmas. Mister Otis expresó su intención de afiliarse a la Sociedad Psíquica, y Washington preparó una larga carta a mister Myers y Podmone, basada en la persistencia de las manchas de sangre cuando provienen de un crimen.

Aquella noche disipó todas las dudas sobre la existencia objetiva de los fantasmas.

La familia había aprovechado la frescura de la tarde para dar un paseo en coche.

Regresaron a las nueve, tomando una ligera cena.

La conversación no recayó ni un momento sobre los fantasmas, de manera que faltaban hasta las condiciones más elementales de «espera» y de «receptibilidad» que preceden tan a menudo a los fenómenos psíquicos.

Кентервильское привидение

Говорили, как потом мне рассказывал мистер Оутис, о том, о чём обычно говорят просвещённые американцы из высших слоёв общества: о беспорном превосходстве американской актрисы мисс Фанни Давенпорт над французской актрисой Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают кукурузы, гречневых лепёшек и мамалыги; об исключительном значении Бостона для духовного развития всего человечества; о преимуществах введённой системы багажных квитанций при оформлении провоза багажа по железной дороге; о приятности нью-йоркского произношения по сравнению с протяжным лондонским выговором.

Ни о чём сверхъестественном речь не заходила, сэр Саймон де Кентервиль также не упоминался. В одиннадцать вечера все отправились отдыхать, и полчаса спустя в доме был погашен свет.

Некоторое время спустя мистер Оутис проснулся от странных звуков в коридоре у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит — и с каждым мгновением всё отчётливее — лязганье металла.

Он встал, чиркнул спичкой и взглянул на часы. Они показывали ровно час ночи.

Мистер Оутис, не теряя самообладания, пощупал свой пульс, и он оказался, как всегда, ровным и ритмичным. Но загадочные звуки не умолкали — более того, мистер Оутис явственно услышал звук шагов. Он сунул ноги в комнатные туфли, достал из дорожного несессера продолговатый флакон в упаковке и открыл дверь.

Los asuntos que discutieron, por lo que luego he sabido por mistress Otis, fueron simplemente los habituales en la conversación de los americanos cultos que pertenecen a las clases elevadas, como, por ejemplo, la inmensa superioridad de miss Janny Davenport sobre Sarah Bernhardt, como actriz; la dificultad para encontrar maíz verde, galletas de trigo sarraceno, aun en las mejores casas inglesas; la importancia de Boston en el desenvolvimiento del alma universal; las ventajas del sistema que consiste en anotar los equipajes de los viajeros, y la dulzura del acento neoyorquino, comparado con el deo de Londres.

No se trató para nada de lo sobrenatural, no se hizo ni la menor alusión indirecta a sir Simón de Canterville. A las once, la familia se retiró. A las doce y media estaban apagadas todas las luces.

Poco después, míster Otis se despertó con un ruido singular en el corredor, fuera de su habitación. Parecía un ruido de hierros viejos, y se acercaba cada vez más.

Se levantó en el acto, encendió la luz y miró la hora. Era la una en punto.

Míster Otis estaba perfectamente tranquilo. Se tomó el pulso y no lo encontró nada alterado. El ruido extraño continuaba, al mismo tiempo que se oía claramente el sonar de unos pasos. Míster Otis se puso las zapatillas, tomó un frasquito alargado de su tocador y abrió la puerta.

El fantasma de Canterville

Прямо перед собой он увидел в призрачном свете луны старика в высшей степени ужасного вида. Глаза его горели, как раскалённые угли, седые длинные волосы космами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя всё было в лохмотьях, с его рук и ног, закованных в кандалы, свисали тяжёлые ржавые цепи.

— Сэр, — обратился к нему мистер Оутис, — я вынужден самым настоятельным образом просить вас впредь смазывать ваши цепи, и с этой целью захватил для вас пузырёк машинного масла «Восходящее солнце демократии», известного своим эффективным действием после первого же употребления. На упаковке помещены положительные отзывы наших виднейших священнослужителей, подтверждающие исключительные достоинства этого средства. Я оставляю пузырёк здесь, на столике возле канделябра, и буду рад снабжать вас новыми порциями масла по мере надобности.

С этими словами посланник Соединённых Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улёгся в постель.

Кантервильское привидение так и застыло от возмущения. Затем, яростно швырнув флакон на паркет, оно ринулось по коридору, испуская зловещее зелёное сияние и глухо стона.

Но едва оно взобралось по широкой дубовой лестнице наверх, как из распахнувшейся двери выскочили две фигурки в белом, и огромная подушка просвистела у него над головой.

В такой ситуации нельзя было терять ни минуты, и дух, прибегнув к четвёртому пространственному измерению, поспешно ретировался, исчезнув через деревянную стенную панель, после чего в доме всё стало тихо.

Y vio frente a él, en el pálido claro de luna, a un viejo de aspecto terrible. Sus ojos parecían carbones encendidos. Una larga cabellera gris caía en mechones revueltos sobre sus hombros. Sus ropas, de corte anticuado, estaban manchadas y en jirones. De sus muñecas y de sus tobillos colgaban unas pesadas cadenas y unos grilletes herrumbrosos.

—Mi distinguido señor —dijo míster Otis—, permítame que le ruegue vivamente que se engrase esas cadenas. Le he traído para ello una botella del engrasador «Tammany-Sol-Levante». Dicen que una sola untura es eficazísima, y en la etiqueta hay varios certificados de nuestros teólogos más ilustres, que dan fe de ello. Voy a dejársela aquí, al lado de las mecedoras, y tendré un verdadero placer en proporcionarle más, si así lo desea.

Dicho lo cual el ministro de los Estados Unidos dejó el frasquito sobre una mesa de mármol, cerró la puerta y se volvió a meter en la cama.

El fantasma de Canterville permaneció algunos minutos inmóvil de indignación. Después, tiró, lleno de rabia, el frasquito contra el suelo encerado y huyó por el corredor, lanzando gruñidos cavernosos y despidiendo una extraña luz verde.

Sin embargo, cuando llegaba a la gran escalera de roble, se abrió de repente una puerta. Aparecieron dos siluetas infantiles, vestidas de blanco, y una voluminosa almohada le rozó la cabeza.

Evidentemente, no había tiempo que perder; así es que, utilizando como medio de fuga la cuarta dimensión del espacio, se desvaneció a través del estuco, y la casa recobró su tranquilidad.

Кентервильское привидение

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, призрак прислонился к лунному лучу и, немного отдышавшись, попытался осмыслить сложившееся положение.

Ни разу за всю свою безупречную трехсотлетнюю службу в качестве привидения он не подвергался таким неслыханным оскорблениям.

Ему вспомнилось в эту минуту многое: и то, как он насмерть перепугал вдовствующую герцогиню, когда она стояла перед зеркалом, вся в кружевах и бриллиантах; и то, как с четырьмя горничными началась истерика, стоило ему только им улыбнуться из-за портьеры в спальне для гостей; и то, как он задул свечу в руке приходского священника, когда тот поздно ночью выходил из библиотеки, отчего с беднягой случился нервный припадок, и он до сих пор вынужден лечиться у сэра Уильяма Галла [Уильям Уайти Галл (1816—1890) — известный английский невропатолог.]; и то, как старая мадам де Тремуйак, проснувшись как-то на рассвете и увидев, что в кресле у камина сидит скелет и читает её дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, а выздоровев, примирилась с церковью и решительно порвала все отношения с известным скептиком мосье де Вольтером.

Он вспомнил также ту страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли в гардеробной задыхающимся с бубновым валетом в горле. Умирая, старик признался, что с помощью этой карты он, жульничая, обыграл Чарлза Джеймса Фокса в Крокфордзе [Крокфордз — игорный дом в Лондоне.] на целых пятьдесят тысяч фунтов, и Кентервильское привидение, как он клятвенно уверял, заставило его проглотить меченую карту.

Llegado a un cuartito secreto del ala izquierda, se adosó a un rayo de luna para tomar aliento, y se puso a reflexionar para darse cuenta de su situación.

Jamás en toda su brillante carrera, que duraba ya trescientos años seguidos, fue injuriado tan groseramente.

Se acordó de la duquesa viuda, en quien provocó una crisis de terror, estando mirándose al espejo, cubierta de brillantes y de encajes; de las cuatro doncellas a quienes había enloquecido, produciéndoles convulsiones histéricas, sólo con hacerlas visajes entre las cortinas de una de las habitaciones destinadas a invitados; del rector de la parroquia, cuya vela apagó de un soplo cuando volvía el buen señor de la biblioteca a una hora avanzada, y que desde entonces se convirtió en mártir de toda clase de alteraciones nerviosas; de la vieja señora de Tremouillac, que, al despertarse a medianoche, le vio sentado en un sillón, al lado de la lumbre, en forma de esqueleto, entretenido en leer el diario que redactaba ella de su vida, y que de resultas de la impresión tuvo que guardar cama durante seis meses, víctima de un ataque cerebral. Una vez curada se reconcilió con la iglesia y rompió toda clase de relaciones con el señalado escéptico monsieur de Voltaire.

Recordó igualmente la noche terrible en que el bribón de lord Canterville fue hallado agonizante en su tocador, con una sota de espadas hundida en la garganta, viéndose obligado a confesar que por medio de aquella carta había timado la suma de diez mil libras a Carlos Fos, en casa de Grookford. Y juraba que aquella carta se la hizo tragar el fantasma.

El fantasma de Canterville

Он вспомнил каждого, кто был жертвой его великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, увидев, как в окно буфетной стучится чья-то зелёная рука, и кончая прекрасной леди Статфилд, которая вынуждена была постоянно носить чёрную бархатку вокруг шеи, чтобы скрыть отпечатки пяти пальцев на своей белоснежной коже, и в конце концов утопилась в сазановом пруду в конце Королевской аллеи.

Испытывая чувство самоупоения, столь хорошо знакомое каждому истинному художнику, он перебирал в уме лучшие сыгранные им роли, и губы его скривились в торжествующей усмешке, когда он вспомнил последнее своё выступление в качестве «Рыжего Рубена, или Задушенного Младенца», а также свой дебют в роли «Тощего Гибсона, кровопийцы с Бекслейского болота». Ему вспомнилось, как одним тихим июньским вечером он произвёл настоящий фурор, когда сыграл на площадке для тенниса партию в кегли, используя для этого кости своего скелета, хотя лично он ничего особенного в этом не видел.

И вот после всего этого в замок заявляются какие-то несчастные американцы, считающие себя ужасно современными, и навязывают ему машинное масло с дурацким названием «Восходящее солнце демократии», да ещё швыряют в него подушками! Это просто невыносимо! История не знает примеров такого обращения с привидениями.

И в нём созрело решение отомстить. Когда наступил рассвет, он всё ещё пребывал в состоянии глубокого раздумья.

Глава третья

На следующее утро, за завтраком, Оутисы говорили главным образом о привидении. Посланник Соединённых Штатов, естественно, был в некоторой мере задет тем, что его подарок отвергли.

Todas sus grandes hazañas le volvían a la mente. Vio desfilar al mayordomo que se levantó la tapa de los sesos por haber visto una mano verde tamborilear sobre los cristales, y la bella lady Steefield, condenada a llevar alrededor del cuello un collar de terciopelo negro para tapar la señal de cinco dedos, impresos como un hierro candente sobre su blanca piel, y que terminó por ahogarse en el vivero que había al extremo de la Avenida Real.

Y, lleno del entusiasmo ególatra del verdadero artista, pasó revista a sus creaciones más célebres. Se dedicó una amarga sonrisa al evocar su última aparición en el papel de «Rubén el Rojo», o «el rorro estrangulado», su «debut» en el «Gibeén, el Vampiro flaco del páramo de Bevley», y el furor que causó una tarde encantadora de junio sólo con jugar a los bolos con sus propios huesos sobre el campo de hierba de «lawn-tennis».

¿Y todo para qué? ¡Para que unos miserables americanos le ofreciesen el engrasador marca «Sol-Levante» y le tirasen almohadas a la cabeza! Era realmente intolerable. Además, la historia nos enseña que jamás fue tratado ningún fantasma de aquella manera.

Llegó a la conclusión de que era preciso tomarse la revancha, y permaneció hasta el amanecer en actitud de profunda meditación.

Capitulo III

Cuando a la mañana siguiente el almuerzo reunió a la familia Otis, se discutió extensamente acerca del fantasma. El ministro de los Estados Unidos estaba, como era natural, un poco ofendido viendo que su ofrecimiento no había sido aceptado.

Кентервильское привидение

— Я не собираюсь причинять привидению никакого вреда, — сказал он, — и должен в этой связи заметить, что швырять подушками в того, кто столько лет обитает в этом доме, крайне невежливо. — (Весьма справедливое замечание, которое, должен с сожалением сообщить, было встречено близнецами громким хохотом).

— Тем не менее, — продолжал посланник, — если привидение проявит упрямство и не пожелает воспользоваться машинным маслом «Восходящее солнце демократии», придётся снять с него цепи. Невозможно спать, когда такой грохот у тебя под самой дверью.

Впрочем, до конца недели их никто больше не тревожил, хотя кровавое пятно на полу библиотеки неизменно продолжало появляться каждое утро.

Это было довольно странно, ибо мистер Оутис на ночь всегда запирали библиотечную дверь, а окна закрывались ставнями с крепкими засовами.

Хамелеоноподобное изменение цвета крови также вызывало недоумение. Иногда пятно было тусклого желтовато-красного цвета, иногда алого, иногда пурпурного, а однажды, когда они сошли вниз для семейной молитвы по упрощённому ритуалу Свободной американской реформатской епископальной церкви [Одно из направлений в американской протестантской церкви, отличающееся упрощёнными религиозными обрядами и не признающее иерархии священнослужителей.], пятно оказалось изумрудно-зелёным.

—No quisiera en modo alguno injuriar personalmente al fantasma —dijo —, y reconozco que, dada la larga duración de su estancia en la casa, no era nada cortés tirarle una almohada a la cabeza... Siento tener que decir que esta observación tan justa provocó una explosión de risa en los gemelos.

—Pero, por otro lado —prosiguió míster Otis—, si se empeña, sin más ni más, en no hacer uso del engrasador marca «Sol-Levante», nos veremos precisados a quitarle las cadenas. No habría manera de dormir con todo ese ruido a la puerta de las alcobas.

Pero, sin embargo, en el resto de la semana no fueron molestados. Lo único que les llamó la atención fue la reaparición continua de la mancha de sangre sobre el «parquet» de la biblioteca.

Era realmente muy extraño, tanto más cuanto que mistress Otis cerraba la puerta con llave por la noche, igual que las ventanas.

Los cambios de color que sufría la mancha, comparables a los de un camaleón, produjeron asimismo frecuentes comentarios en la familia. Una mañana era de un rojo oscuro, casi violáceo; otras veces era bermellón; luego, de un púrpura espléndido, y un día, cuando bajaron a rezar, según los ritos sencillos de la libre iglesia episcopal reformada de América, la encontraron de un hermoso verde esmeralda.

El fantasma de Canterville

Такого рода калейдоскопические изменения, разумеется, весьма забавляли членов семейства Оутисов, и каждый вечер по этому поводу между ними заключались пари. Лишь юная Вирджиния не находила в этом ничего забавного; всякий раз, увидев кровавое пятно, она почему-то грустнела, а в тот день, когда оно стало изумрудно-зелёным, даже чуть не расплакалась.

Во второй раз приведение появилось в ночь с воскресенья на понедельник. Едва лишь Оутисы улеглись спать, как в холле послышался страшный грохот.

Выбежав из своих спален, они бросились вниз и увидели, что там на каменном полу валяются упавшие с пьедестала огромные рыцарские доспехи, а в кресле с высокой спинкой сидит Кентервильское приведение и, морщась от боли, потирает колени.

Близнецы с той поразительной меткостью, которую можно приобрести, лишь долго и старательно практикуясь на особе учителя чистописания, тотчас же выпустили в приведение по заряду из трубочек для стрельбы горохом, которые они предусмотрительно захватили с собой, а посланник Соединённых Штатов наставил на него револьвер и, в полном соответствии с калифорнийскими правилами хорошего тона, скомандовал: «Руки вверх!».

Дух издал яростный вопль и, вскочив на ноги, пронёсся между ними, словно гонимый ветром сгусток тумана, погасив у Вашингтона свечу и оставив их всех в кромешной темноте.

Достигнув верхней площадки лестницы, он, отдышавшись и придя в себя, решил продемонстрировать свой знаменитый дьявольский хохот, который вырвался у него в стольких случаях.

Como era natural, estos cambios kaleidoscópicos divirtieron grandemente a la reunión y hacíanse apuestas todas las noches con entera tranquilidad. La única persona que no tomó parte en la broma fue la joven Virginia. Por razones ignoradas, sentíase siempre impresionada ante la mancha de sangre, y estuvo a punto de llorar la mañana que apareció verde esmeralda.

El fantasma hizo su aparición el domingo por la noche. Al poco tiempo de estar todos ellos acostados, les alarmó un enorme estrépito que se oyó en el «hall».

Bajaron apresuradamente, y se encontraron con que una armadura completa se había desprendido de su soporte, cayendo sobre las losas. Cerca de allí, sentado en un sillón de alto respaldo, el fantasma de Canterville se restregaba las rodillas, con una expresión de agudo dolor sobre su rostro.

Los gemelos, que se habían provisto de sus cañas de majuelos, le lanzaron inmediatamente dos huesos, con esa seguridad de puntería que sólo se adquiere a fuerza de largos y pacientes ejercicios sobre el profesor de caligrafía. Mientras tanto, el ministro de los Estados Unidos mantenía al fantasma bajo la amenaza de su revólver, y, conforme a la etiqueta californiana, le instaba a levantar los brazos.

El fantasma se alzó bruscamente, lanzando un grito de furor salvaje, y se disipó en medio de ellos, como una niebla, apagando de paso la vela de Washington Otis y dejándolos a todos en la mayor oscuridad.

Cuando llegó a lo alto de la escalera, una vez dueño de sí, se decidió a lanzar su célebre repique de carcajadas satánicas. Contaba la gente que aquello hizo encanecer en una sola noche el peluquín de lord Raker.

Кентервильское привидение

Поговаривали, что от этих звуков за ночь поседел парик лорда Рейкера, а три французские гувернантки леди Кентервиль заявили о своём уходе, не прослужив в замке и месяца.

И он разразился самым своим жутким хохотом, долго ещё гудевшим под старыми сводами замка. Но не успело смолкнуть страшное эхо, как отворилась дверь, и на пороге появилась миссис Оутис в бледно-голубом халате.

— Мне кажется, вам нездоровится, — сказала она, — так что я принесла вам микстуру доктора Добелла. Думаю, всё дело в несварении желудка, и вы сами увидите, как это лекарство вам отлично поможет.

Призрак метнул на неё яростный взгляд и тут же собрался превращаться в большую чёрную собаку — этот трюк принёс ему заслуженную славу и явился, по мнению домашнего врача Кентервилей, причиной неизлечимого слабоумия дядюшки лорда Кентервиля, достопочтенного Томаса Хортон.

Но звук приближающихся шагов заставил его отказаться от этого коварного намерения, так что ему пришлось удовольствоваться тем, что он стал слабо фосфоресцировать, и, когда близнецы подбежали к нему, он исчез, испустив леденящий душу кладбищенский стон.

Добравшись до своего убежища, он почувствовал себя совершенно сломленным, и им овладело беспредельное отчаяние.

Невоспитанность близнецов и грубый материализм миссис Оутис были, конечно, и сами по себе крайне оскорбительными, но больше всего его огорчало то, что ему не удалось облечься в доспехи.

Y que no necesitaron más de tres sucesivas amas de gobierno para decidirse a «dimitir» antes de terminar el primer mes en su cargo.

Por consiguiente, lanzó una carcajada más horrible, despertando paulatinamente los ecos en las antiguas bóvedas; pero, apagados éstos, se abrió una puerta y apareció, vestida de azul claro, mistress Otis.

—Me temo —dijo la dama- que esté usted indispuesto, y aquí le traigo un frasco de la tintura del doctor Dobell. Si se trata de una indigestión, esto le sentará bien.

El fantasma la miró con ojos llameantes de furor y se creyó en el deber de metamorfosearse en un gran perro negro. Era un truco que le había dado una reputación merecidísima, y al cual atribuía la idiotez incurable del tío de lord Canterville, el honorable Tomás Horton.

Pero un ruido de pasos que se acercaban le hizo vacilar en su cruel determinación, y se contentó con volverse un poco fosforescente. En seguida se desvaneció, después de lanzar un gemido sepulcral, porque los gemelos iban a darle alcance.

Una vez en su habitación sintióse destrozado, presa de la agitación más violenta.

La ordinariez de los gemelos, el grosero materialismo de mistress Otis, todo aquello resultaba realmente vejatorio; pero lo que más le humillaba era no tener ya fuerzas para llevar una armadura.

El fantasma de Canterville

Он полагал, что даже эти современные американцы будут повергнуты в трепет, когда перед ними предстанет Призрак в латах, — ну хотя бы из уважения к своему национальному поэту Лонгфелло, над чьей изящной, притягательной поэзией он просиживал целыми часами, когда Кентервилли переезжали в город. К тому же латы эти были его собственными.

Он выглядел в них очень эффектно на турнире в Кенилворте и даже удостоился нескольких лестных слов в свой адрес от самой королевы-девственницы [Имеется в виду Елизавета I (1533—1603)].

Но, надев их теперь, спустя столько времени, он почувствовал, что массивный нагрудник и стальной шлем слишком тяжелы для него, и, не выдержав их веса, рухнул на каменный пол, ссадив себе оба колена и больно ушибив пальцы правой руки.

После этого он несколько дней чувствовал себя больным и совсем не выходил из комнаты — разве что ночью, для поддержания в должном порядке кровавого пятна.

Но благодаря умелому самоврачеванию он поправился и решил, что попробует напугать американского посланника и членов его семьи в третий раз.

Для своего появления он выбрал пятницу семнадцатого августа и весь этот день до самого наступления темноты перебирал свой гардероб, остановив наконец выбор на высокой широкополой шляпе с красным пером, саване с рюшками на рукавах и у ворота и заржавленном кинжале.

К вечеру началась гроза, и ветер так бушевал, что сотрясались и гремели все окна и двери старого дома. Впрочем, такая погода была для него как раз то, что надо. План его заключался в следующем.

Contaba con hacer impresión aun en unos americanos modernos, con hacerles estremecer a la vista de un espectro acorazado, ya que no por motivos razonables, al menos por deferencia hacia su poeta nacional Longfellow, cuyas poesías, delicadas y atrayentes, habíanle ayudado con frecuencia a matar el tiempo, mientras los Canterville estaban el Londres. Además, era su propia armadura.

La llevó con éxito en el torneo de Kenilworth, siendo felicitado calurosamente por la Reina-Virgen en persona.

Pero cuando quiso ponérsela quedó aplastado por completo con el peso de la enorme coraza y del yelmo de acero. Y se desplomó pesadamente sobre las losas de piedra, despellejándose las rodillas y contusionándose la muñeca derecha.

Durante varios días estuvo malísimo y no pudo salir de su morada más que lo necesario para mantener en buen estado la mancha de sangre.

No obstante lo cual, a fuerza de cuidados acabó por restablecerse y decidió hacer una tercera tentativa para aterrorizar al ministro de los Estados Unidos y a su familia.

Eligió para su reaparición en escena el viernes 17 de agosto, consagrando gran parte del día a pasar revista a sus trajes. Su elección recayó al fin en un sombrero de ala levantada por un lado y caída del otro, con una pluma roja; en un sudario deshilachado por las mangas y el cuello y, por último, en un puñal mohoso.

Al atardecer estalló una gran tormenta. El viento era tan fuerte que sacudía y cerraba violentamente las puertas y ventanas de la vetusta casa. Realmente aquél era el tiempo que le convenía. He aquí lo que pensaba hacer:

Кентервильское привидение

Для начала он тихонько проберётся в комнату Вашингтона Оутиса, даст ему собою полюбоваться, некоторое время постояв в ногах его кровати и бормоча что-нибудь нечленораздельное, а затем под звуки заунывной музыки трижды пронзит себе горло кинжалом.

К Вашингтону он испытывал особую неприязнь, так как прекрасно знал, что именно этот юнец имеет скверную привычку стирать своим «образцовым очистителем» знаменитое Кентервильское кровавое пятно.

Приведя этого безрассудного и непочтительного молодого человека в состояние полной прострации, он проследует затем в супружескую опочивальню посланника Соединённых Штатов и возложит свою холодную влажную руку на лоб миссис Оутис, в то же время хрипло нашёптывая её дрожащему от ужаса мужу жуткие тайны фамильного склепа.

Насчёт маленькой Вирджинии он пока ничего определённого не придумал. Она ни разу его не обидела и, кроме того, была очень славной и доброй девочкой.

Пожалуй, будет достаточно обойтись парой-другой глухих стонов из шкафа, а если она не проснётся, он подёргает дрожащими скрюченными пальцами за её одеяло.

А вот близнецов он проучит как следует. Первым делом он усядется им на грудь, дабы из-за нехватки воздуха их стали мучить кошмары.

Iría sigilosamente a la habitación de Washington Otis, le musitaría unas frases ininteligibles, quedándose al pie de la cama, y le hundiría tres veces seguidas el puñal en la garganta, a los sonos de una música apagada.

Odiaba sobre todo a Washington, porque sabía perfectamente que era él quien acostumbraba quitar la famosa mancha de sangre de Canterville, empleando el «limpiador incomparable de Pinkerton».

Después de reducir al temerario, al despreocupado joven, entraría en la habitación que ocupaba el ministro de los Estados Unidos y su mujer. Una vez allí, colocara una mano viscosa sobre la frente de mistress Otis, y al mismo tiempo murmuraría, con voz sorda, al oído del ministro tembloroso, los secretos terribles del osario.

En cuanto a la pequeña Virginia, aún no tenía decidido nada. No lo había insultado nunca. Era bonita y cariñosa.

Unos cuantos gruñidos sordos, que saliesen del armario, le parecían más que suficientes, y si no bastaban para despertarla, llegaría hasta tirarla de la puntita de la nariz con sus dedos rígidos por la parálisis.

A los gemelos estaba resuelto a darles una lección: lo primero que haría sería sentarse sobre sus pechos, con el objeto de producirles la sensación de pesadilla. Luego, aprovechando que sus camas estaban muy juntas, se alzaría en el espacio libre entre ellas, con el aspecto de un cadáver verde y frío como el hielo, hasta que se quedaran paralizados de terror.

El fantasma de Canterville

Затем, поскольку кровати их стоят совсем рядом, он расположится между ними, приняв облик зелёного холодного трупа, и не сдвинется с места до тех пор, пока их окончательно не парализует страх. Тогда он сбросит саван и, обнажив свои белые кости, примется, вращая одним глазом, ползать по комнате, изображая «Онемевшего Даниила, или Скелета-самоубийцу». Это была эффектная роль, всегда производившая очень сильное впечатление, — ничуть не хуже его знаменитого «Безумного Мартина, или Неразгаданной Тайны».

В половине одиннадцатого вся семья, как можно было судить по звукам, отправилась спать. Но ещё какое-то время из спальни близнецов доносились дикие взрывы хохота — как видно, мальчишки со свойственной школьникам беззаботностью резвились, перед тем как лечь в постель. В четверть двенадцатого в доме наконец воцарилась полная тишина, и, как только пробило полночь, он отправился выполнять свою благородную миссию.

О стёкла билась сова, ворон каркал на верхушке старого тиса, ветер блуждал вокруг дома, стеная, словно неприкаянная душа. Но Оутисы спали спокойно, не подозревая о том, какое их ждёт испытание, и ветру с дождём не удавалось заглушить ритмичное похрапывание посланника Соединённых Штатов.

Призрак с жуткой усмешкой на сморщенных губах осторожно выступил из дубовой стеной панели, и вскоре, как раз в тот момент, когда он крался мимо огромного эркерного окна, украшенного золотисто-голубыми фамильными гербами — его собственным и убитой им супруги, — круглый лик луны скрылся за облаком.

Всё дальше и дальше скользил он зловещей тенью, и даже ночному мраку он, казалось, внушал отвращение.

En seguida, tirando bruscamente su sudario, daría la vuelta al dormitorio en cuatro patas, como un esqueleto blanqueado por el tiempo, moviendo los ojos de sus órbitas, en su creación de «Daniel el Mudo, o el esqueleto del suicida», papel en el cual hizo un gran efecto en varias ocasiones. Creía estar tan bien en éste como en su otro papel de «Martín el Demente o el misterio enmascarado».

A las diez y media oyó subir a la familia a acostarse. Durante algunos instantes le inquietaron las tumultuosas carcajadas de los gemelos, que se divertían evidentemente, con su loca alegría de colegiales, antes de meterse en la cama. Pero a las once y cuarto todo quedó nuevamente en silencio, y cuando sonaron las doce se puso en camino.

La lechuza chocaba contra los cristales de la ventana. El cuervo crascitaba en el hueco de un tejo centenario y el viento gemía vagando alrededor de la casa, como un alma en pena; pero la familia Otis dormía, sin sospechar la suerte que le esperaba. Oía con toda claridad los ronquidos regulares del ministro de los Estados Unidos, que dominaban el ruido de la lluvia y de la tormenta.

Se deslizó furtivamente a través del estuco. Una sonrisa perversa se dibujaba sobre su boca cruel y arrugada, y la luna escondió su rostro tras una nube cuando pasó delante de la gran ventana ojival, sobre la que estaban representadas, en azul y oro, sus propias armas y las de su esposa asesinada.

Seguía andando siempre, deslizándose como una sombra funesta, que parecía hacer retroceder de espanto a las mismas tinieblas en su camino.

Кентервильское привидение

Вдруг ему почудилось, что кто-то его окликнул, и он замер на месте, но это был всего лишь лай собаки на Красной ферме. И он отправился дальше, бормоча под нос причудливые средневековые ругательства и беспрестанно размахивая ржавым кинжалом.

Наконец он добрался до того места, откуда начинался коридор, ведущий в комнату несчастного Вашингтона. Там он на минутку остановился, чтобы передохнуть. Гулявший по дому ветер развеивал его седые космы и трепал могильный саван, придавая ткани причудливые, фантастические очертания.

Часы пробили четверть, и он почувствовал, что дальше медлить нельзя. Удовлетворённо хихикнув, он повернул за угол, но тут же с жалостным воплем отшатнулся и закрыл побелевшее от ужаса лицо длинными костлявыми руками.

Прямо перед ним стоял страшный призрак, неподвижный, точно каменное изваяние, и чудовищно безобразный, словно приснившийся безумцу кошмар.

Голова его была увенчана лоснящейся лысиной, лицо у него было круглое, толстое, мертвенно-бледное, с застывшей на нём отвратительной улыбкой.

Глаза его излучали ярко-красный свет, рот был словно широкий колодец, в недрах которого поыхал огонь, а безобразное одеяние, подобное его собственному, белоснежным саваном окутывало массивную фигуру.

На груди у призрака висела табличка с неразборчивой в темноте надписью, начертанной старинными буквами. О страшном позоре, должно быть, вещала она, о грязных пороках и диких злодействах. Его поднятая правая рука держала блестящий меч.

En un momento dado le pareció oír que alguien le llamaba: se detuvo, pero era tan sólo un perro, que ladraba en la Granja Roja. Prosiguió su marcha, refunfuñando extraños juramentos del siglo XVI, y blandiendo de cuando en cuando el puñal enmohecido en el aire de medianoche.

Por fin llegó a la esquina del pasillo que conducía a la habitación de Washington. Allí hizo una breve parada. El viento agitaba en torno de su cabeza sus largos mechones grises y ceñía en pliegues grotescos y fantásticos el horror indecible del fúnebre sudario.

Sonó entonces el cuarto en el reloj. Comprendió que había llegado el momento. Se dedicó una risotada y dio la vuelta a la esquina. Pero apenas lo hizo retrocedió, lanzando un gemido lastimero de terror y escondiendo su cara lívida entre sus largas manos huesosas.

Frente a él había un horrible espectro, inmóvil como una estatua, monstruoso como la pesadilla de un loco.

La cabeza del espectro era pelada y reluciente; su faz, redonda, carnosa y blanca; una risa horrorosa parecía retorcer sus rasgos en una mueca eterna;

por los ojos brotaba a oleadas una luz escarlata, la boca tenía el aspecto de un ancho pozo de fuego, y una vestidura horrible, como la de él, como la del mismo Simón, envolvía con su nieve silenciosa aquella forma gigantesca.

Sobre el pecho tenía colgado un cartel con una inscripción en caracteres extraños y antiguos. Quizá era un rótulo infamante, donde estaban escritos delitos espantosos, una terrible lista de crímenes. Tenía, por último, en su mano derecha una cimitarra de acero resplandeciente.

El fantasma de Canterville

Дух Кентервиля, никогда раньше не видевший других привидений, естественно, до смерти перепугался. Бросив ещё один беглый взгляд на страшного призрака, он бросился наутёк к себе в комнату. Он бежал по коридору, не чужая под собой ног, путаясь в складках савана, и по дороге уронил свой ржавый кинжал в сапог посланника, в котором поутру он и был найден дворецким.

Добравшись до своей комнаты, он бросился на убогое ложе и спрятал голову под одеяло. Но скоро в нём пробудился тот бравый дух, которым испокон веков гордились все Кентервили, и он решил прямо с утра пойти поговорить с другим привидением.

И вот, едва лишь рассвет коснулся своим серебром холмов, он поспешил на то место, где ему встретился напугавший его призрак; после долгих размышлений он пришёл к выводу, что, в конце концов, два привидения лучше, чем одно, и что с его новым другом ему будет легче управиться с близнецами.

Увы, когда он туда добрался, его взору открылось страшное зрелище. Было очевидно, что с призраком случилось какое-то несчастье. Свет погас в его пустых глазницах, блестящий меч выпал из его рук, и он стоял, опираясь на стенку в какой-то напряжённой и неестественной позе.

Кентервильское привидение подбежало к нему и обхватило его руками, и в этот момент голова призрака — о, ужас! — внезапно соскочила с плеч и покатила по полу, туловище обмякло, и оказалось, что он прижимает к себе всего лишь белый канифасный полог, а у ног его валяются метла, кухонный нож и пустая тыква.

Не зная, как объяснить это странное превращение, он дрожащими руками поднял с пола табличку с надписью и при сером утреннем свете прочёл следующие слова:

Como no había visto nunca fantasmas hasta aquél día, sintió un pánico terrible, y, después de lanzar a toda prisa una segunda mirada sobre el monstruo atroz, regresó a su habitación, tropicando en el sudario que le envolvía. Cruzó la galería corriendo, y acabó por dejar caer el puñal enmohecido en las botas de montar del ministro, donde lo encontró el mayordomo al día siguiente.

Una vez refugiado en su retiro, se desplomó sobre un reducido catre de tijera, tapándose la cabeza con las sábanas. Pero, al cabo de un momento, el valor indomable de los antiguos Canterville se despertó en él y tomó la resolución de hablar al otro fantasma en cuanto amaneciese.

Por consiguiente, no bien el alba plateó las colinas con su contacto, volvió al sitio en que había visto por primera vez al horroroso fantasma. Pensaba que, después de todo, dos fantasmas valían más que uno sólo, y que con ayuda de su nuevo amigo podría contender victoriosamente con los gemelos.

Pero cuando llegó al sitio hallóse en presencia de un espectáculo terrible. Sucedió algo indudablemente al espectro, porque la luz había desaparecido por completo de sus órbitas. La cimitarra centelleante se había caído de su mano y estaba recostado sobre la pared en una actitud forzada e incómoda.

Simón se precipitó hacia delante y lo cogió en sus brazos; pero cuál no sería su terror viendo despegarse la cabeza y rodar por el suelo, mientras el cuerpo tomaba la posición supina, y notó que abrazaba una cortina blanca de lienzo grueso y que yacían a sus pies una escoba, un machete de cocina y una calabaza vacía.

Sin poder comprender aquella curiosa transformación, cogió con mano febril el cartel, leyendo a la claridad grisácea de la mañana estas palabras terribles:

Кентервильское привидение

ОУТИССКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Единственное воистину подлинное привидение.
Остерегайтесь подделок!
Все остальные — не настоящие.

Тут только его озарило. Его одурачили, перехитрили, обвели вокруг пальца!

В глазах его появилось обычное для Кентервилей выражение; он заскрежетал беззубыми дёснами и, воздев к небу высохшие руки, поклялся, прибегнув к живописнейшим образцам старинной стилистики, что, не успеет Шантеклер [Шантеклер — имя петуха в памятнике средневекового эпоса «Роман о Ренаре». Далее в тексте это возвышенное название юмористически противопоставляется обыденному названию «петух» и даже уничижительным словам «жалкая птица».] дважды протрубить в свой громогласный рог, как свершатся кровавые дела, и Убийство неслышными шагами войдёт в этот дом.

Едва он произнёс это страшное заклинание, как с красной черепичной крыши отдалённого фермерского дома донёсся крик петуха. Призрак разразился негромким, продолжительным, злорадным смехом и стал терпеливо ждать.

Он ждал час, он ждал два, но петух по какой-то непонятной причине не спешил петь второй раз. Наконец, когда в половине восьмого пришли горничные, ему ничего не оставалось как оставить своё тревожное бдение, и он крадучись отправился восвояси, горя о несбывшихся планах и напрасных надеждах.

Оказавшись у себя в комнате, он принялся перелистывать книги о давнем рыцарстве — а это было его любимым чтением, — и в них было ясно сказано, что всякий раз, когда произносится это заклинание, должен дважды пропеть петух.

HE-AQUÍ-EL-FANTASMA-OTIS EL-ÚNICO-ESPÍRITU-AUTÉNTICO-Y-VERDADERO ¡DESCONFIAD-DE-LAS-IMITACIONES! TODOS-LOS-DEMÁS-ESTÁN-FALSIFICADOS!

Y la entera verdad se le apareció como un relámpago. ¡Había sido burlado, chasqueado, engañado!

La expresión característica de los Canterville reapareció en sus ojos, apretó las mandíbulas desdentadas y, levantando por encima de su cabeza sus manos amarillas, juró, según el ritual pintoresco de la antigua escuela, «que cuando el gallo tocara por dos veces el cuerno de su alegre llamada se consumirían sangrientas hazañas, y el crimen, de callado paso, saldría de su retiro».

No había terminado de formular este juramento terrible, cuando de una alquería lejana, de tejado de ladrillo rojo, salió el canto de un gallo. Lanzó una larga risotada, lenta y amarga, y esperó.

Esperó una hora, y después otra; pero por alguna razón misteriosa no volvió a cantar el gallo. Por fin, a eso de las siete y media, la llegada de las criadas le obligó a abandonar su terrible guardia y regresó a su morada, con altivo paso, pensando en su juramento vano y en su vano proyecto fracasado.

Una vez allí consultó varios libros de caballería, cuya lectura le interesaba extraordinariamente, y pudo comprobar que el gallo cantó siempre dos veces en cuantas ocasiones se recurrió a aquel juramento.

El fantasma de Canterville

— Будь проклята эта жалкая птица! — пробормотал он. — Рано или поздно наступит тот день, когда верное моё копье пронзит ей глотку и заставит её прокричать, но криком уже предсмертным!

После этого он улёгся в свой удобный свинцовый гроб и оставался там до самой темноты.

— ¡Que el diablo se lleve a ese animal volátil! — murmuró—. ¡En otro tiempo hubiese caído sobre él con mi buena lanza, atravesándole el cuello y obligándole a cantar otra vez para mí, aunque reventara!

Y dicho esto se retiró a su comfortable caja de plomo, y allí permaneció hasta la noche.

Глава четвёртая

Наутро призрак чувствовал себя совсем разбитым. Начали сказываться ужасные тревожения последних четырёх недель.

Нервы его были вконец расшатаны, и он вздрагивал от малейшего шороха. Целых пять дней не выходил он из комнаты и в конце концов принял решение больше не обновлять кровавого пятна на полу в библиотеке.

Если оно Оутисам не нужно, значит, они его не заслуживают. Они явно из тех людей, которые довольствуются самым низким, а иначе говоря, материальным уровнем существования и совершенно не способны оценить символическое значение явлений чувственного характера.

Что касается чисто теоретических вопросов, связанных с существованием призраков или, скажем, с различными фазами развития астральных тел, то это была особая сфера, находившаяся, по правде говоря, за пределами его компетенции.

Он знал лишь одно: у него есть священный долг хотя бы раз в неделю появляться в коридоре, а в первую и третью среду каждого месяца нечленораздельно бормотать, сидя у большого окна в эркере, и он не представлял себе, как без урона для своей чести он мог бы отказаться от этих обязанностей.

Capitulo IV

Al día siguiente el fantasma se sintió muy débil, muy cansado. Las terribles emociones de las cuatro últimas semanas empezaban a producir su efecto.

Tenía el sistema nervioso completamente alterado, y temblaba al más ligero ruido. No salió de su habitación en cinco días, y concluyó por hacer una concesión en lo relativo a la mancha de sangre del «parquet» de la biblioteca.

Puesto que la familia Otis no quería verla, era indudablemente que no la merecía. Aquella gente estaba colocada a ojos vistas en un plano inferior de vida material y era incapaz de apreciar el valor simbólico de los fenómenos sensibles.

La cuestión de las apariciones de fantasmas y el desenvolvimiento de los cuerpos astrales era realmente para ellos cosa desconocida e indiscutiblemente fuera de su alcance.

Pero, por lo menos, constituía para él un deber ineludible mostrarse en el corredor una vez a la semana y farfullar por la gran ventana ojival el primero y el tercer miércoles de cada mes. No veía ningún medio digno de sustraerse a aquella obligación.

Кентервильское привидение

И хотя земную свою жизнь он прожил крайне безнравственно, в потустороннем мире он проявлял во всём поразительную добросовестность.

И в соответствии с этим следующие три субботы он, как всегда, с полуночи до трёх ночи совершал обход коридоров, всячески заботясь о том, чтобы его никто не увидел и не услышал.

Обувь свою он оставлял теперь в комнате, стараясь ступать по источенному червями дощатому полу как можно тише, облачался в широкую чёрную бархатную мантию и никогда не забывал самым тщательным образом смазывать свои цепи машинным маслом «Восходящее солнце демократии».

Должен, однако, заметить, что ему было совсем нелегко заставить себя прибегнуть к названному средству защиты от ржавчины.

И всё же как-то вечером, когда семья сидела за обедом, он пробрался в спальню к мистеру Оутису и стащил пузырёк с маслом.

Поначалу он чувствовал себя слегка униженным, но очень скоро вынужден был признать, что изобретение это и в самом деле бесполезно и неплохо ему помогает.

Несмотря на все эти меры предосторожности, его не оставляли в покое.

Поперёк коридора постоянно протягивались верёвки, и он то и дело падал, цепляясь за них, а однажды, совершая свой обход в облачении «Чёрного Исаака, или Охотника из Хоглейского леса», он поскользнулся и сильно расшибся, так как близнецы намазали пол жиром, начиная от входа в Гобеленовый зал и кончая верхней площадкой дубовой лестницы.

Verdad es que su vida fue muy criminal; pero, quitado eso, era hombre muy concienzudo en todo cuanto se relacionaba con lo sobrenatural.

Así, pues, los tres sábados siguientes atravesó, como de costumbre, el corredor entre doce de la noche y tres de la madrugada, tomando todas las precauciones posibles para no ser visto ni oído.

Se quitaba las botas, pisaba lo más ligeramente que podía sobre las viejas maderas carcomidas, envolvíase en una gran capa de terciopelo negro, y no dejaba de usar el engrasador «Sol-Levante» para engrasar sus cadenas.

Me veo precisado a reconocer que sólo después de muchas vacilaciones se decidió a adoptar este último medio de protección.

Pero, al fin, una noche, mientras cenaba la familia, se deslizó en el dormitorio de mistress Otis y se llevó el frasquito.

Al principio se sintió un poco humillado, pero después fue suficientemente razonable para comprender que aquel invento merecía grandes elogios y cooperaba, en cierto modo, a la realización de sus proyectos.

A pesar de todo, no se vio a cubierto de matracas.

No dejaban nunca de tenderle cuerdas de lado a lado del corredor para hacer tropezar en la oscuridad, y una vez que se había disfrazado para el papel de «Isaac el Negro o el cazador del bosque de Hogsley», cayó cuan largo era al poner el pie sobre una pista de maderas enjabonadas que habían colocado los gemelos desde el umbral del salón de Tapices hasta la parte alta de la escalera de roble.

El fantasma de Canterville

Эта гнусная проделка настолько его разгневала, что он решил предпринять ещё одну, и окончательную, попытку защитить своё поправное достоинство и высокий статус Кентервильского привидения, представ следующей же ночью перед дерзкими воспитанниками Итона в своём любимом образе «Отважного Руперта, или Графа Без Головы».

Он не выступал в этой роли уже более чем семьдесят лет — собственно, с тех самых пор, как до того напугал прелестную леди Барбару Моудиш, что она неожиданно расторгла помолвку с дедом нынешнего лорда Кентервиля и сбежала в Гретна-Грин [Гретна-Грин — пограничная с Англией шотландская деревня, где ранее заключались браки между приезжавшими из Англии молодыми парами; в Гретна-Грин бракосочетание совершалось без соблюдения установленных английским законом формальностей, а учитывалось лишь желание жениха и невесты стать мужем и женой.] с красавцем Джеком Каслтоном, заявив, что ни за какие коврижки не выйдет замуж за человека, семья которого позволяет таким кошмарным привидениям разгуливать в сумерках по террасе.

Бедняга Джек вскоре после этого погиб от пули лорда Кентервиля на дуэли, состоявшейся на Уондсвортском лугу, а леди Барбара, сердце которой не выдержало утраты, менее чем через год умерла в Тенбридж-Уэллсе [Тенбридж-Уэллс — курортный городок с минеральными источниками к югу от Лондона.]. Так что можно с уверенностью утверждать, что выступление Кентервильского привидения во всех отношениях имело грандиозный успех.

Esta última afrenta le dio tal rabia, que decidió hacer un esfuerzo para imponer su dignidad y consolidar su posición social, y formó el proyecto de visitar a la noche siguiente a los insolentes chicos de Eton, en su célebre papel de «Ruperto el Temerario o el conde sin cabeza».

No se había mostrado con aquel disfraz desde hacía sesenta años, es decir, desde que causó con él tal pavor a la bella lady Bárbara Modish, que ésta retiró su consentimiento al abuelo de actual lord Canterville y se fugó a Greta Green con el arrogante Jack Castletown, jurando que por nada del mundo consentiría en emparentar con una familia que toleraba los paseos de un fantasma tan horrible por la terraza, al atardecer.

El pobre Jack fue al poco tiempo muerto en duelo por lord Canterville en la pradera de Wandsworth, y lady Bárbara murió de pena en Tumbidge Wells antes de terminar el año; así es que fue un gran éxito por todos conceptos.

Кентервильское привидение

Однако для этой роли требовался чрезвычайно сложный грим (если, конечно, можно применить такой сугубо театральный термин по отношению к одной из величайших загадок сверхъестественного мира, или, выражаясь по-научному, «естественного мира высшего порядка»), и ему пришлось потратить добрых три часа на приготовления.

Наконец всё было закончено, и он остался очень доволен своим видом.

Правда, большие кожаные ботфорты, которые являлись неотъемлемой частью этого костюма, были ему великоваты, а один из седельных пистолетов куда-то запропастился, но в целом, как ему казалось, наряд на нём выглядел превосходно. Ровно в четверть второго он выскользнул из стеной панели и стал красться по коридору.

Добравшись до комнаты близнецов (она, должен упомянуть, называлась «Голубой спальней», по цвету портьер и обоев), он обнаружил, что дверь слегка приоткрыта.

Желая как можно эффектнее обставить своё появление, он широко распахнул её, и в тот же миг на него упал тяжёлый кувшин с водой, пролетев мимо его левого плеча в каких-то нескольких дюймах, но успев обрушиться на него целое море воды, так что на нём и сухой нитки не осталось. Тут же из-под балдахина широкой кровати раздались взрывы сдавленного хохота.

Потрясение для его нервной системы было столь велико, что он опрометью кинулся в свою комнату, а на следующий день слёг от жестокой простуды.

Хорошо ещё, что он оставил голову в комнате, а то не обошлось бы без тяжёлых осложнений для его ослабленного организма.

Sin embargo, era, permitiéndome emplear un término de argot teatral para aplicarlo a uno de los mayores misterios del mundo sobrenatural (o en lenguaje más científico), «del mundo superior a la Naturaleza», era, repito, una creación de las más difíciles, y necesitó sus tres buenas horas para terminar los preparativos.

Por fin, todo estuvo listo, y él contentísimo de su disfraz.

Las grandes botas de montar, que hacían juego con el traje, eran, eso sí, un poco holgadas para él, y no pudo encontrar más que una de las dos pistolas del arzón; pero, en general, quedó satisfechísimo, y a la una y cuarto pasó a través del estuco y bajó a corredor.

Cuando estuvo cerca de la habitación ocupada por los gemelos, a la que llamaré el dormitorio azul, por el color de sus cortinajes, se encontró con la puerta entreabierta.

A fin de hacer una entrada sensacional, la empujó con violencia, pero se le vino encima una jarra de agua que le empapó hasta los huesos, no dándole en el hombro por unos milímetros. Al mismo tiempo oyó unas risas sofocadas que partían de la doble cama con dosel.

Su sistema nervioso sufrió tal conmoción, que regresó a sus habitaciones a todo escape, y al día siguiente tuvo que permanecer en la cama con un fuerte reuma.

El único consuelo que tuvo fue el de no haber llevado su cabeza sobre los hombros, pues sin esto las consecuencias hubieran podido ser más graves.

El fantasma de Canterville

После этого он оставил всякую надежду запугать этих нецивилизованных американцев и, как правило, довольствовался тем, что бродил по коридорам в войлочных комнатных туфлях, замотав шею толстым красным шарфом от сквозняков и не выпуская маленькой аркебузы [Аркебуза (или аркебуз) — старинное фитильное ружьё, заряжаемое с дула.] из рук на случай нападения близнецов.

Последний удар был нанесён ему девятнадцатого сентября.

Он спустился в огромный холл замка, уверенный, что там уж его не потревожат в такой поздний час, и забавлял себя тем, что изощрялся в насмешливых замечаниях в адрес посланника Соединённых Штатов и его супруги, изображённых на сделанных у Сарони [Наполеон Сарони (1821—1896) — американский фотограф, литограф и художник.] больших фотографиях, заменивших фамильные портреты Кентервилей.

Он был просто, но аккуратно одет в длинный саван, кое-где побитый могильной плесенью, нижняя его челюсть была подвязана жёлтой косынкой, а в руке он держал небольшой фонарь и заступ, какими пользуются могильщики.

Собственно говоря, он был одет как «Иона Непогребенный, или Похититель Трупов с Чертсейского Гумна» — один из лучших его образов, который Кентервили имели все основания надолго запомнить, поскольку именно из-за блестящего исполнения им этой роли они навсегда разругались со своим соседом лордом Раффордом.

Было около четверти третьего, и в доме, насколько он мог судить, царил полная тишина.

Desde entonces renunció para siempre a espantar a aquella recia familia de americanos, y se limitó a vagar por el corredor, con zapatillas de orillo, envuelto el cuello en una gruesa bufanda, por temor a las corrientes de aire, y provisto de un pequeño arcabuz, para el caso en que fuese atacado por los gemelos.

Hacia el 19 de septiembre fue cuando recibió el golpe de gracia.

Había bajado por la escalera hasta el espacioso «hall», seguro de que en aquel sitio por lo menos estaba a cubierto de jugarretas, y se entretenía en hacer observaciones satíricas sobre las grandes fotografías del ministro de los Estados Unidos y de su mujer, hechas en casa de Sarow.

Iba vestido sencilla, pero decentemente, con un largo sudario salpicado de moho de cementerio. Habíase atado la quijada con una tira de tela y llevaba una linternita y una azadón de sepulturero.

En una palabra, iba disfrazado de «Jonás el Desenterrador, o el ladrón de cadáveres de Cherstey Barn». Era una de sus creaciones más notables y de las que guardaban recuerdo, con más motivo, los Canterville, ya que fue la verdadera causa de su riña con lord Rufford, vecino suyo.

Serían próximamente las dos y cuarto de la madrugada, y, a su juicio, no se movía nadie en la casa.

Кентервильское привидение

Но когда он пробирался к библиотеке, чтобы взглянуть, остались ли от кровавого пятна хоть какие-нибудь следы, из тёмного угла внезапно бросились на него две фигуры и, остервенело размахивая руками над головой, завопили ему в самое ухо: «У-у-у!»

Охваченный паническим страхом, вполне объяснимым в таких обстоятельствах, он бросился к лестнице, но там его подкарауливал Вашингтон с большим садовым опрыскивателем. Видя, что враги окружили его со всех сторон и деваться ему некуда, он юркнул в большую железную печь, которая, к счастью, в эту ночь не топилась, и по дымоходу пробрался в свою каморку, ужасно грязный, растрёпанный и исполненный отчаяния.

После этого он больше не делал своих ночных вылазок. Близнецы некоторое время продолжали устраивать на него засады и каждый вечер, к великому неудовольствию родителей и прислуги, посыпали пол в коридоре ореховой скорлупой, но безрезультатно.

Не было сомнений — призрак чувствовал себя настолько обиженным, что не желал являться обитателям дома.

В результате мистер Оутис счёл возможным снова усесться за свой объёмистый труд по истории Демократической партии США, над которым работал уже много лет; миссис Оутис устроила великолепный пикник на морском берегу, поразивший всё графство; мальчики отдались увлечению лакроссом [Лакросс — канадская национальная игра в мяч, распространённая также и в США.], юкером [Юкер — карточная игра.], покером и другими американскими национальными играми, а Вирджиния каталась по аллеям на пони в сопровождении юного герцога Чеширского, проводившего в Кентервильском замке последнюю неделю своих каникул.

Pero cuando se dirigía tranquilamente en dirección a la biblioteca, para ver lo que quedaba de la mancha de sangre, se abalanzaron hacia él, desde un rincón sombrío, dos siluetas, agitando locamente sus brazos sobre sus cabezas, mientras gritaban a su oído:

—¡Uú! ¡Uú! ¡Uú!

Lleno de pánico, cosa muy natural en aquellas circunstancias, se precipitó hacia la escalera, pero entonces se encontró frente a Washington Otis, que le esperaba armado con la regadera del jardín; de tal modo, que, cercado por sus enemigos, casi acorralado, tuvo que evaporarse en la gran estufa de hierro colado, que, afortunadamente para él, no estaba encendida, y abrirse paso hasta sus habitaciones por entre tubos y chimeneas, llegando a su refugio en el tremendo estado en que lo pusieron la agitación, el hollín y la desesperación.

Desde aquella noche no volvió a vérselo nunca de expedición nocturna. Los gemelos se quedaron muchas veces en acecho para sorprenderle, sembrando de cáscara de nuez los corredores todas las noche, con gran molestia de sus padres y criados. Pero fue inútil.

Su amor propio estaba profundamente herido, sin duda, y no quería mostrarse.

En vista de ello, míster Otis se puso a trabajar en su gran obra sobre la historia del partido demócrata, obra que había empezado tres años antes. Mistress Otis organizó un «clam-bake» extraordinario, del que se habló en toda la comarca. Los niños se dedicaron a jugar a la barra, al ecarté, al «poker» y a otras diversiones nacionales de América. Virginia dio paseos a caballo por las carreteras, en compañía del duquesito de Cheshire, que se hallaba en Canterville pasando su última semana de vacaciones.

El fantasma de Canterville

Все решили, что привидение покинуло замок, и мистер Оутис даже написал об этом лорду Кентервилю, который в ответном письме выразил на сей счёт свою радость и попросил поздравить от его имени с этим приятным событием достойную супругу посланника.

Однако Оутисы ошибались, ибо привидение никуда не исчезало из замка и, хотя превратилось теперь чуть ли не в инвалида, всё же не думало оставлять их в покое, особенно когда ему стало известно, что среди гостей находится юный герцог Чеширский, двоюродный внук того самого лорда Фрэнсиса Стилтона, который однажды поспорил с полковником Карбери на сто гиней, что сыграет в кости с Кентервильским привидением, а утром был найден на полу ломберной полностью разбитым параличом. Хотя лорд Стилтон и дожил до самых преклонных лет, после этого случая он мог произносить всего лишь два слова: «шестёрка дубль».

История эта в своё время наделала много шума, даром что из уважения к чувствам обеих благородных семей её всячески старались замять. Подробный рассказ обо всех обстоятельствах происшествия можно найти в третьем томе сочинения лорда Тэттла «Воспоминания о принце-регенте и его друзьях».

Призраку, естественно, хотелось доказать, что он не утратил прежнего влияния на Стилтонов, с которыми к тому же состоял в дальнем родстве: его кузина была замужем en *secondes noces* [Вторым браком (фр.).] за сэром де Балкли, а от него, как известно, ведут свой род герцоги Чеширские.

Todo el mundo se figuraba que el fantasma había desaparecido, hasta el punto de que míster Otis escribió una carta a lord Canterville para comunicárselo, y recibió en contestación otra carta en la que éste le testimoniaba el placer que le producía la noticia y enviaba sus más sinceras felicitaciones a la digna esposa del ministro.

Pero los Otis se equivocaban. El fantasma seguía en la casa, y, aunque se hallaba muy delicado, no estaba dispuesto a retirarse, sobre todo después de saber que figuraba entre los invitados el duquesito de Cheshire, cuyo tío, lord Francis Stilton, apostó una vez con el coronel Carbury a que jugaría a los dados con el fantasma de Canterville. A la mañana siguiente se encontraron a lord Stilton tendido sobre el suelo del salón de juego en un estado de parálisis tal que, a pesar de la edad avanzada que alcanzó, no pudo ya nunca pronunciar más palabras que éstas:

—¡Seis doble!

Esta historia era muy conocida en un tiempo, aunque, en atención a los sentimientos de dos familias nobles, se hiciera todo lo posible por ocultarla, y existe un relato detallado de todo lo referente a ella en el tomo tercero de las «Memorias de lord Tattle sobre el Príncipe Regente y sus amigos».

Desde entonces, el fantasma deseaba vivamente probar que no había perdido su influencia sobre los Stilton, con los que además estaba emparentado por matrimonio, pues una prima suya se casó en segundas nupcias con el señor Bulkeley, del que descienden en línea directa, como todo el mundo sabe, los duques de Cheshire.

Кентервильское привидение

Он даже сделал необходимые приготовления к тому, чтобы явиться перед юным поклонником Вирджинии в столь удававшемся ему образе «Монаха-вампира, или Обескровленного Бенедиктинца [Бенедиктинцы — католический монашеский орден, основанный в начале VI века.]». Он был так страшен в этой роли, что когда его однажды, в роковой вечер под новый 1764 год, увидела старая леди Стартап, с ней, после того как она издала несколько истощных криков, случился апоплексический удар. Через три дня она скончалась, успев лишить Кентервилей, своих ближайших родственников, наследства, поскольку оставила все свои деньги лондонскому аптекарю, снабжавшему её лекарствами.

Однако в последнюю минуту из страха перед близнецами привидение не решилось покинуть свою комнату, и юный герцог спокойно проспал до утра под большим украшенным перьями балдахином в Королевской опочивальне. Во сне он видел Вирджинию.

Глава пятая

Несколько дней спустя Вирджиния и её кудрявый кавалер отправились кататься верхом на Броклейские луга, и она, продираясь сквозь живую изгородь, так изорвала свою амазонку, что, вернувшись домой, решила подняться к себе по лестнице чёрного хода, с тем чтобы её никто не увидел.

Пробегая мимо Гобеленового зала, дверь которого оказалась открытой, она заметила краем глаза, что там кто-то есть, и, полагая, что это камеристка её матери, иногда приходившая сюда с шитьём, остановилась и заглянула в дверь, чтобы попросить её починить порванную амазонку.

Каково же было её удивление, когда оказалось, что это Кентервильский призрак!

Por consiguiente, hizo sus preparativo para mostrarse al pequeño enamorado de Virginia en su famoso papel de «Fraile vampiro, o el benedictino desangrado». Era un espectáculo espantoso, que cuando la vieja lady Starbury se lo vio representar, es decir en víspera del Año Nuevo de 1764, empezó a lanzar chillidos agudos, que tuvieron por resultado un fuerte ataque de apoplejía y su fallecimiento al cabo de tres días, no sin que desheredara antes a los Canterville y legase todo su dinero a su farmacéutico en Londres.

Pero, a última hora, el terror que le inspiraban los gemelos le retuvo en su habitación, y el duquesito durmió tranquilo en el gran lecho con dosel coronado de plumas del dormitorio real, soñando con Virginia.

Capitulo V

Virginia y su adorador de cabello rizado dieron, unos días después, un paseo a caballo por los prados de Brockley, paseo en el que ella desgarró su vestido de amazona al saltar un seto, de tal manera que, de vuelta a su casa, entró por la escalera de detrás para que no la viesen.

Al pasar corriendo por delante de la puerta del salón de Tapices, que estaba abierta de par en par, le pareció ver a alguien dentro. Pensó que sería la doncella de su madre, que iba con frecuencia a trabajar a esa habitación. Asomó la cabeza para encargarle que le cosiese el vestido.

¡Pero, con gran sorpresa suya, quien allí estaba era el fantasma de Canterville en persona!

El fantasma de Canterville

Он сидел у окна и наблюдал за тем, как с пожелтевших деревьев слетает непрочная позолота и как красные листья в бешеной пляске несутся по длинной аллее парка.

Голову он положил на сложенные вместе руки, и вся его поза выражала беспросветное отчаяние.

Он казался таким одиноким, таким дряхлым и беззащитным, что маленькой Вирджинии, первым побуждением которой было скорее бежать отсюда и запереться в своей комнате, стало жалко его и захотелось его утешить.

Шаги её были так легки, а его меланхолия так глубока, что он заметил её присутствие лишь тогда, когда она с ним заговорила.

— Поверьте, я вам очень сочувствую, — сказала она. — Но завтра мои братья возвращаются в Итон, и тогда, если вы будете себя хорошо вести, вас больше никто не обидит.

— Какой толк просить меня хорошо себя вести?! — отозвался он, с удивлением оглядываясь на хорошенькую девочку, которая не побоялась заговорить с ним. — Никакого! Мне, знаешь ли, просто положено греметь цепями, стонать сквозь замочные скважины и разгуливать по ночам — ты ведь это считаешь плохим поведением? В этом весь смысл моего существования!

— Никакого смысла тут нет, и вы сами прекрасно знаете, что плохо себя вели. Миссис Амни сказала нам в первый же день после нашего приезда, что вы убили свою жену.

— Ну, допустим, убил, — раздражённо ответил дух, — но это моё личное дело, и это никого не касается.

Habíase acomodado ante la ventana, contemplando el oro llameante de los árboles amarillentos que revoloteaban por el aire, las hojas enrojecidas que bailaban locamente a lo largo de la gran avenida.

Tenía la cabeza apoyada en una mano, y toda su actitud revelaba el desaliento más profundo.

Realmente presentaba un aspecto tan abrumado, tan abatido, que la pequeña Virginia, en vez de ceder a su primer impulso, que fue echar a correr a encerrarse en su cuarto, se sintió llena de compasión y tomó el partido de ir a consolarle.

Tenía la muchacha un paso tan ligero y él una melancolía tan honda, que no se dio cuenta de su presencia hasta que le habló.

—Lo he sentido mucho por usted —dijo—, pero mis hermanos regresan mañana a Eton, y entonces, si se porta usted bien nadie le atormentará.

—Es inconcebible pedirme que me porte bien —le respondió, contemplando estupefacto a la jovencita que tenía la audacia de dirigirle la palabra—. Perfectamente inconcebible. Es necesario que yo sacuda mis cadenas, que gruña por los agujeros de las cerraduras y que corree de noche. ¿Eso es lo que usted llama portarse mal? No tengo otra razón de ser.

—Eso no es una razón de ser. En sus tiempos fue usted muy malo ¿sabe? Mistress Umney nos dijo el día que llegamos que usted mató a su esposa.

—Sí, lo reconozco —respondió incautamente el fantasma—. Pero era un asunto de familia y nadie tenía que meterse.

Кентервильское привидение

— Убивать людей очень нехорошо, — сказала Вирджиния с той пуританской серьёзностью, которая порой появлялась в выражении её милого лица и которую она унаследовала от какого-то предка из Новой Англии.

— О, как я ненавижу это дешёвое морализирование, свойственное абстрактной этике! Моя жена была очень дурна собой, она никогда не умела должным образом накрахмалить мне брыжи [Брыжи — воротник или выпуск на груди в виде оборок.] и ровно ничего не смыслила в искусстве вкусно готовить. Возьмём, к примеру, хотя бы такой случай. Однажды мне удалось убить в Хоглейском лесу оленя, великолепного самца-одногодка, — так вот, как же, ты думаешь, она с ним распорядилась и что в конце концов было подано к столу?

Да что толку сейчас говорить об этом — дело ведь прошлое! И пусть я действительно убил свою жену, но заморить меня голодом, доведя до мучительной смерти, было со стороны её братьев тоже не очень-то красиво.

— Они заморили вас голодом? О, мистер призрак, — то есть, я хотела сказать, сэр Саймон, — вы, наверно, и сейчас голодны? У меня в сумке есть бутерброд. Возьмите, пожалуйста!

— Нет, спасибо. Я давно ничего не ем. Но всё равно с твоей стороны это очень любезно, и вообще ты гораздо симпатичнее всей своей ужасной, невоспитанной, вульгарной и бесчестной семьи.

— Не смейте так говорить! — воскликнула Вирджиния, топнув ногой. — Это вы невоспитанны, ужасны и вульгарны, а что касается честности, так вы сами прекрасно знаете, кто таскал у меня из ящика краски, чтобы наводить ваше дурацкое кровавое пятно.

—Está muy mal matar a nadie —dijo Virginia, que a veces adoptaba un bonito gesto de gravedad puritana, heredado quizás de algún antepasado venido de Nueva Inglaterra.

—¡Oh, no puedo sufrir la severidad barata de la moral abstracta! Mi mujer era feísima. No almidonaba nunca lo bastante mis puños y no sabía nada de cocina. Mire usted: un día había yo cazado un soberbio ciervo en los bosques de Hogsley, un hermoso macho de dos años. ¡Pues no puede usted figurarse cómo me lo sirvió!

Pero, en fin, dejemos eso. Es asunto liquidado, y no encuentro nada bien que sus hermanos me dejasen morir de hambre, aunque yo la matase.

—¡Que lo dejen morir de hambre! ¡Oh señor fantasma...! Don Simón, quiero decir, ¿es que tiene usted hambre? Hay un «sandwich» en mi costurero. ¿Le gustaría?

—No, gracias, ahora ya no como; pero, de todos modos, lo encuentro amabilísimo por su parte. ¡Es usted bastante más atenta que el resto de su horrible, arisca, ordinaria y ladrona familia!

—¡Basta! —exclamó Virginia, dando con el pie en el suelo—. El arisco, el horrible y el ordinario lo es usted. En cuanto a lo de ladrón, bien sabe usted que me ha robado mis colores de la caja de pinturas para restaurar esa ridícula mancha de sangre en la biblioteca.

El fantasma de Canterville

Сперва исчезли все красные краски, включая и алые, так что я больше не могла изображать закаты, потом вы унесли изумрудную зелень и жёлтый хром, а кончилось тем, что у меня вообще ничего не осталось, кроме индиго и китайских белил, и мне пришлось ограничиться пейзажами с лунным светом, а они такие унылые, да и рисовать их ужасно трудно.

Но я никому на вас не наядбедничала, хоть и очень сердилась. И вообще всё это страшно глупо: ну разве бывает изумрудная кровь?

— А что мне оставалось делать? — произнёс призрак с некоторым смущением. — В нынешние времена достать настоящую кровь не так-то просто, и поскольку твой драгоценный братец решил пустить в ход свой «образцовый очиститель», — а с этого всё и началось, — мне ничего другого не оставалось как воспользоваться твоими красками.

А что касается цвета, то это, знаешь ли, дело вкуса. У Кентервилей, например, кровь голубая, самая голубая во всей Англии. Впрочем, вас, американцев, такие вещи не интересуют.

— Откуда вам знать, что нас интересует? Я вам очень советую к нам эмигрировать и расширить у нас свой кругозор. Папа с радостью устроит вам бесплатный проезд, и, хотя пошлины на спиртное, а значит, и на всё спиритическое ужасно высокие, проблем на таможне у вас не будет, так как все чиновники там — демократы.

А в Нью-Йорке вас ждёт огромный успех. Я знаю там многих людей, которые с охотой бы дали сто тысяч долларов просто за то, чтобы у них был дедушка, ну а за то, чтобы иметь семейное привидение, дадут во сто крат больше.

— Боюсь, мне не понравится ваша Америка.

Empezó usted por coger todos mis rojos, incluso el bermellón, imposibilitándome para pintar puestas de sol. Después agarró usted el verde esmeralda y el amarillo cromo. Y, finalmente, sólo me queda el añil y el blanco. Así es que ahora no puedo hacer más que claros de luna, que da grima ver, e incomodísimos, además, de colorear.

Y no le he acusado, aún estando fastidiada y a pesar de que todas esas cosas son completamente ridículas. ¿Se ha visto alguna vez sangre color verde esmeralda...?

—Vamos a ver —dijo el fantasma, con cierta dulzura—: ¿y qué iba yo a hacer? Es difícilísimo en los tiempos actuales agenciarse sangre de verdad, y ya que su hermano empezó con su quitamanchas incomparable, no veo por qué no iba yo a emplear los colores de usted para resistir.

En cuanto al tono, es cuestión de gusto. Así, por ejemplo, los Canterville tienen sangre azul, la sangre más azul que existe en Inglaterra... Aunque ya sé que ustedes los americanos no hacen el menor caso de esas cosas.

—No sabe usted nada, y lo mejor que puede hacer es emigrar, y así se formará idea de algo. Mi padre tendrá un verdadero gusto en proporcionarle un pasaje gratuito, y aunque haya derechos de puertas elevadísimos sobre toda clase de cosas, no le pondrán dificultades en la Aduana.

Y una vez en Nueva York, puede usted contar con un gran éxito. Conozco infinidad de personas que darían cien mil dólares por tener antepasados y que sacrificarían mayor cantidad aún por tener un fantasma de «familia».

—Creo que no me divertiría mucho en América.

Кентервильское привидение

— Потому что у нас нет ничего допотопного и диковинного? — насмешливо спросила Вирджиния.

— Ничего допотопного и диковинного? А ваш флот и ваши манеры?

— Всего хорошего! Пойду попрошу папу, чтобы он разрешил близнецам задержаться ещё на одну неделю.

— Прошу вас, не уходите, мисс Вирджиния! — воскликнул призрак. — Я так одинок и несчастен! И я совершенно не знаю, что делать мне дальше. Больше всего я хотел бы уснуть, но, увы, не могу.

— Ну что за глупости вы говорите! Для этого всего лишь надо лечь в постель и задуть свечу. Вот бодрствовать — это гораздо труднее, особенно в церкви. А для того, чтоб уснуть, не нужно никаких усилий. С этим справится и грудной младенец, хоть он почти и ничего не соображает.

— Я не сплю уже триста лет, — печально промолвил призрак, и прекрасные голубые глаза Вирджинии широко раскрылись от удивления. — Триста лет я не знаю сна и чувствую себя бесконечно усталым!

Лицо Вирджинии затуманилось, губы её задрожали, словно лепестки розы. Она подошла к привидению, опустилась на колени и заглянула в его древнее, морщинистое лицо.

— Бедное, бедное привидение, — едва слышно проговорила она. — Неужели ты не знаешь такого места, где ты хотел бы уснуть?

—Quizás se deba a que allí no tenemos ni ruinas ni curiosidades —dijo burlonamente Virginia.

—¡Qué curiosidades ni qué ruinas! —contestó el fantasma—. Tienen ustedes su Marina y sus modales.

—Buenas noches; voy a pedir a papá que conceda a los gemelos una semana más de vacaciones.

—¡No se vaya, miss Virginia, se lo suplico! — exclamó el fantasma—. Estoy tan solo y soy tan desgraciado, que no sé que hacer. Quisiera ir a acostarme y no puedo.

—Pues es inconcebible: no tiene usted más que meterse en la cama y apagar la luz. Algunas veces es difícilísimo permanecer despierto, sobre todo en una iglesia, pero, en cambio, dormir es muy sencillo. Ya ve usted: los gemelos saben dormir admirablemente, y no son de los más listos.

—Hace trescientos años que no duermo —dijo el anciano tristemente, haciendo que Virginia abriese mucho sus hermosos ojos azules, llenos de asombro—. Hace ya trescientos años que no duermo, así es que me siento cansadísimo.

Virginia adoptó un grave continente, y sus finos labios se movieron como pétalos de rosa. Se acercó y arrodillándose al lado del fantasma, contempló su rostro envejecido y arrugado.

—Pobrecito fantasma —profirió a media voz —, ¿y no hay ningún sitio donde pueda usted dormir?

El fantasma de Canterville

— Далеко-далеко отсюда, там, за сосновым бором, — отвечал призрак тихим, мечтательным голосом, — есть маленький сад. Трава там высокая и густая, там белеют цветы болиголова, подобные звёздам, и всю ночь там поёт соловей.

Да, всю ночь не смолкая поёт соловей, холодная хрустальная луна бесстрастно взирает вниз и могучий тис простирает над спящими свои исполинские ветви.

Глаза Вирджинии заволоклись слезами, и она спрятала в ладони лицо.

— Ты говоришь о Саде Смерти? — прошептала она.

— Да, я говорю о нём. Как, должно быть, прекрасна Смерть! Как хорошо лежать в мягкой, тёплой земле, зная, что над тобой колышутся травы, и слушать вечную тишину. Как хорошо, что нет ни вчера, ни завтра, что можно забыть о ходе времени и навеки забыться, обретя наконец покой.

Знаешь, ты мне можешь помочь. Ты можешь отворить для меня врата Храма Смерти, ибо с тобой Любовь, а Любовь ведь сильнее Смерти.

По телу Вирджинии прошла холодная дрожь, и некоторое время между ними царило молчание. Ей казалось, будто всё это какой-то жуткий сон.

Потом снова заговорил призрак, и голос его звучал подобно вздохам ветра.

— Ты читала древнее пророчество, начертанное на окне библиотеки?

— О, много раз! — воскликнула девочка, поднимая на привидение глаза. — Я успела его выучить наизусть.

—Allá lejos, pasando el pinar —respondió él en voz baja y soñadora —, hay un jardincito. La hierba crece en él alta y espesa; allí pueden verse las grandes estrellas blancas de la cicuta, allí el ruiseñor canta toda la noche.

Canta toda la noche, y la luna de cristal helado deja caer su mirada y el tejo extiende sus brazos de gigante sobre los durmientes.

Los ojos de Virginia se empañaron de lágrimas y sepultó la cara entre sus manos.

—Se refiere usted al jardín de la Muerte — murmuró —.

—¡Sí, de la muerte; ¡que debe ser hermosa! ¡Descansar en la blanda tierra oscura, mientras las hierbas se balancean encima de nuestra cabeza, y escuchar el silencio! No tener ni ayer ni mañana. Olvidarse del tiempo y de la vida; morir en paz.

Usted puede ayudarme; usted puede abrirme de par en par las puertas de la muerte, porque el amor le acompaña a usted siempre, y el amor es más fuerte que la muerte.

Virginia tembló. Un estremecimiento helado recorrió todo su ser, y durante unos instantes hubo un gran silencio. Parecía vivir un sueño terrible.

Entonces el fantasma habló de nuevo con una voz que resonaba como los suspiros del viento:

—¿Ha leído usted alguna vez la antigua profecía que hay sobre las vidrieras de la biblioteca?

—¡Oh, muchas veces! —exclamó la muchacha levantando los ojos —. La conozco muy bien.

Кентервильское привидение

Оно написано какими-то старинными причудливыми буквами, так что сразу их трудно прочесть. Там всего лишь шесть строчек:

Когда по воле девственницы юной
Молитву вознесут уста Греха,
Когда миндаль засохший ночью лунной
Цветеньем буйным поразит сердца,
А малое дитя проронит тихо слёзы,
Дабы они с души все скорби смыли,
Тогда настанет мир, уйдут из замка розы
И снизойдёт покой на Кентервиля.

Только я не понимаю, что это значит.

— А это значит, — печально промолвил дух, — что ты должна оплакивать мои прегрешения, ибо у меня не осталось слёз, и молиться за мою душу, ибо у меня не осталось веры. И тогда, если ты всегда будешь оставаться такой же доброй, чистой и кроткой, Ангел Смерти смилуется надо мной.

Страшные видения будут преследовать тебя в темноте, злые голоса станут шептать тебе на ухо ужасные вещи, но они не причинят тебе никакого вреда, ибо все тёмные силы ада бессильны пред чистотою ребёнка.

Вирджиния ничего не говорила в ответ, и призрак, глядя на её склонённую златокудрую голову, принялся в отчаянии ломать руки. Вдруг девочка встала. Лицо её было бледным, глаза как-то странно сияли.

— Я не боюсь, — сказала она решительно. — Я попрошу Ангела смилиться над тобой.

Издав негромкое радостное восклицание, он поднялся на ноги, взял её руку и, со старомодной грацией низко склонившись, поднёс руку к губам и поцеловал.

Está pintada con unas curiosas letras doradas y se lee con dificultad. No tiene más que éstos seis versos:

Quando una joven rubia logre hacer brotar
una oración de los labios del pecador,
quando el almendro estéril dé fruto
y una niña deje correr su llanto,
entonces, toda la casa recobrará la tranquilidad
y volverá la paz a Canterville.

Pero no sé lo que significan.

—Significan que tiene usted que llorar conmigo mis pecados, porque no tengo lágrimas, y que tiene usted que rezar conmigo por mi alma, porque no tengo fe, y entonces, si ha sido usted siempre dulce, buena y cariñosa, el ángel de la muerte se apoderará de mí.

Verá usted seres terribles en las tinieblas y voces funestas murmurarán en sus oídos, pero no podrán hacerle ningún daño, porque contra la pureza de una niña no pueden nada las potencias infernales.

Virginia no contestó, y el fantasma retorcióse las manos en la violencia de su desesperación, sin dejar de mirar la rubia cabeza inclinada. De pronto se irguió la joven, muy pálida, con un fulgor en los ojos.

—No tengo miedo —dijo con voz firme — y rogaré al ángel que se apiade de usted.

Levantóse el fantasma de su asiento lanzando un débil grito de alegría, cogió la blonda cabeza entre sus manos, con una gentileza que recordaba los tiempos pasados, y la besó.

El fantasma de Canterville

Пальцы его были холодными как лёд, а губы жгли как огонь, но Вирджиния не отпрянула от него, и он повёл её за руку через весь полутёмный зал.

На поплёкших от времени зелёных гобеленах были вышиты маленькие фигурки охотников.

Они трубили в украшенные кисточками горны и махали Вирджинии крошечными руками, давая знак вернуться назад.

«Вернись, маленькая Вирджиния, вернись!» — кричали они. Но призрак ещё крепче сжал её руку, и она, чтобы не видеть охотников, закрыла глаза.

Пучеглазые чудовища с хвостом ящерицы подмигивали ей с резной каминной полки и негромко бормотали ей вслеп: «Берегись, маленькая Вирджиния, берегись! Что если мы больше не увидим тебя?» Но дух нёсся вперёд всё быстрее, и Вирджиния не слушала их.

Когда они оказались в самом конце зала, он остановился и тихо произнёс несколько непонятных ей слов.

Она открыла глаза и увидела, как стена постепенно исчезает, словно рассеивающийся туман, а за ней зияет огромная чёрная пустота.

Налетел порыв ледяного ветра, и она почувствовала, как её дёргают за платье.

— Скорее, скорее! — крикнул ей призрак. — Иначе будет слишком поздно. Через мгновение стенная панель за ними сомкнулась, и в Гобеленовом зале никого не осталось.

Sus dedos estaban fríos como hielo y sus labios abrasaban como el fuego, pero Virginia no flaqueó; después la hizo atravesar la estancia sombría.

Sobre el tapiz, de un verde apagado, estaban bordados unos pequeños cazadores.

Soplaban en sus cuerpos adornados de flecos y con sus lindas manos hacíanle gestos de que retrocediese.

—Vuelve sobre tus pasos, Virginia. ¡Vete, vete! — gritaban. Pero el fantasma le apretaba en aquel momento la mano con más fuerza, y ella cerró los ojos para no verlos.

Horribles animales de colas de lagarto y de ojazos saltones parpadearon maliciosamente en las esquinas de la chimenea, mientras le decían en voz baja:

—Ten cuidado, Virginia, ten cuidado. Podríamos no volver a verte.

Pero el fantasma apresuró el paso y Virginia no oyó nada.

Cuando llegaron al extremo de la estancia, el viejo se detuvo, murmurando unas palabras que ella no comprendió.

Volvió Virginia a abrir los ojos y voy disiparse el muro lentamente, como una neblina, y abrirse ante ella una negra caverna.

Un áspero y helado viento les azotó, sintiendo la muchacha que la tiraban del vestido.

—De prisa, de prisa —gritó el fantasma —, o será demasiado tarde.

Y en el mismo momento, el muro se cerró de nuevo detrás de ellos y el salón de Tapices quedó desierto.

Глава шестая

Когда десять минут спустя зазвонил колокольчик, приглашая всех к чаю, а Вирджиния в библиотеку не спустилась, миссис Оутис послала за ней одного из лакеев. Тот вскоре вернулся и заявил, что нигде разыскать её не смог.

Вирджиния имела обыкновение выходить каждый вечер в сад за цветами для обеденного стола, поэтому у миссис Оутис поначалу не возникло никаких опасений. Но когда пробило шесть, а Вирджиния так и не появилась, миссис Оутис начала волноваться всерьёз и велела мальчикам искать сестру в парке, а сама вместе с мистером Оутисом принялась обшаривать весь дом, заходя в каждую комнату.

В половине седьмого мальчики возвратились и сообщили, что никаких следов Вирджинии обнаружить им не удалось.

Теперь беспокойство овладело всеми, но никто толком не знал, что делать, как вдруг мистер Оутис вспомнил, что несколько дней назад дал разрешение остановиться в поместье цыганскому табору.

Взяв с собой старшего сына и двух работников, он, не теряя ни минуты, отправился в Блэкфельский лог, где, как он знал, и остановились цыгане.

Юный герцог Чеширский, который не находил себе места от беспокойства, во что бы то ни стало хотел идти вместе с ними, но мистер Оутис, опасаясь, что дело может дойти до драки, не разрешил ему этого.

Когда они добрались до Блэкфельского лога, цыган уже и след простыл, и, судя по тому, что костёр ещё не погас, а в траве валялись тарелки, они снялись с лагеря в страшной спешке.

Capítulo VI

Diez minutos después sonó la campana para el té y Virginia no bajó. Mistress Otis envió a uno de los criados a buscarla. No tardó en volver, diciendo que no había podido descubrir a miss Virginia por ninguna parte.

Como la muchacha tenía la costumbre de ir todas las tardes al jardín a recoger flores para la cena, mistress Otis no se inquietó lo más leve. Pero sonaron las seis y Virginia no aparecía. Entonces su madre se sintió seriamente intranquila y envió a sus hijos en su busca, mientras ella y su marido recorrían todas las habitaciones de la casa.

A las seis y media volvieron los gemelos, diciendo que no habían encontrado huellas de su hermana por parte alguna.

Entonces se conmovieron todos extraordinariamente, y nadie sabía qué hacer, cuando míster Otis recordó de repente que pocos días antes habían permitido acampar en el parque de una tribu de gitanos.

Así es que salió inmediatamente para Blackfell-Hollow, acompañado de su hijo mayor y de dos de sus criados de la granja.

El duquesito de Cheshire, completamente loco de inquietud, rogó con insistencia a míster Otis que lo dejase acompañarle, mas éste se negó temiendo algún jaleo.

Pero cuando llegó al sitio en cuestión vio que los gitanos se habían marchado. Se dieron prisa a huir, sin duda alguna, pues el fuego ardía todavía y quedaban platos sobre la hierba.

El fantasma de Canterville

Отправив Вашингтона и работников продолжать поиски дальше, мистер Оутис поспешил домой, чтобы разослать полицейским инспекторам по всему графству телеграммы с просьбой помочь разыскать девочку, которую похитили бродяги или цыгане.

Затем он распорядился, чтобы ему подали коня, и, уговорив жену и мальчиков пообедать, поскакал с грумом по Аскотской дороге.

Но не успели они отъехать и двух миль, как услышали за собой стук копыт. Оглянувшись, мистер Оутис увидел, что их догоняет на своём пони юный герцог. Он был без шляпы, лицо его покраснелось.

— Прошу прощения, мистер Оутис, — произнёс задыхаясь юноша, — но как я могу обедать, когда потерялась Вирджиния?

Не сердитесь, пожалуйста, на меня, но если бы в прошлом году вы согласились на нашу помолвку, ничего подобного не могло бы произойти. Вы не отошлёте меня назад, ведь правда? Я не могу туда возвращаться! И я всё равно не поеду назад!

Посланник не мог удержаться от улыбки, глядя на этого юного, привлекательного аристократа. Его очень трогало, что этот мальчик так предан Вирджинии, и он, перегнувшись к нему, ласково потрепал его по плечу.

— Что ж, Сесил, деваться некуда, — сказал он. — Раз вы решили не возвращаться, придётся вас взять с собой, только надо будет купить вам в Аскоте шляпу.

— Мне не шляпа нужна! Мне нужна Вирджиния!
— воскликнул, рассмеявшись, юный герцог, и они поскакали к железнодорожной станции.

Después de mandar a Washington y a los dos hombres que registrasen los alrededores, se apresuró a regresar y envió telegramas a todos los inspectores de Policía del condado, rogándoles buscasen a una joven raptada por unos vagabundos o gitanos.

Luego hizo que le trajeran su caballo, y después de insistir para que su mujer y sus tres hijos se sentaran a la mesa, partió con un «groom» por el camino de Ascot.

Había recorrido apenas dos millas, cuando oyó un galope a su espalda. Se volvió, viendo al duquesito que llegaba en su «poney», con la cara sofocada y la cabeza descubierta.

—Lo siento muchísimo —le dijo el joven con voz entrecortada —, pero me es imposible comer mientras Virginia no aparezca.

Se lo ruego: no se enfade conmigo. Si nos hubiera permitido casarnos el año último, no habría pasado esto nunca. No me rechaza usted, ¿verdad? ¡No puedo ni quiero irme!

El ministro no pudo menos que dirigir una sonrisa a aquel mozo guapo y atolondrado, conmovidísimo ante la abnegación que mostraba por Virginia. Inclínándose sobre su caballo, le acarició los hombros bondadosamente, y le dijo:

—Pues bien, Cecil: ya que insiste usted en venir, no me queda más remedio que admitirle en mi compañía; pero, eso sí, tengo que comprarle un sombrero en Ascot.

—¡Al diablo sombreros! ¡Lo que quiero es Virginia!
—exclamó el duquesito, riendo. Y acto seguido galoparon hasta la estación.

Кентервильское привидение

Мистер Оутис спросил у начальника станции, не видел ли кто-нибудь на перроне девочку, похожую по описанию на Вирджинию, но тот ничего определённого ответить не мог.

Всё же он телеграфировал по всей линии и заверил мистера Оутиса, что они будут здесь начеку и, в случае если им что-нибудь станет известно, сразу дадут ему знать. Купив юному герцогу шляпу в лавке торговца льняным товаром, который закрывал уже ставни, посланник со своей командой направился в деревню Бексли, примерно в четырёх милях от станции, где, как ему сообщили, был большой общинный выпас и часто собирались цыгане.

Там они разбудили сельского полисмена, но ничего от него не добились и, проехав по всему выпасу, повернули домой. До замка они добрались часам к одиннадцати, смертельно усталые и совершенно обескураженные.

У домика привратника они увидели Вашингтона и близнецов, ожидавших их с фонарями, ибо под деревьями, обрамлявшими подъездную аллею, было темно, хоть глаз выколи.

Увы, никаких обнадёживающих новостей здесь тоже не было: на след Вирджинии пока не удавалось напасть.

Цыгане были настигнуты на Броклейских лугах, но девочки с ними не оказалось. Свой внезапный отъезд они объяснили тем, что боялись опоздать на Чортонскую ярмарку, так как перепутали день её проведения.

Цыгане и сами огорчились, узнав об исчезновении девочки, и четверо из них остались помогать в розысках: цыгане были признательны мистеру Оутису за то, что он позволил им остановиться в поместье.

Una vez allí, míster Otis preguntó al jefe si no habían visto en el andén de salida a una joven cuyas señas correspondiesen con las de Virginia, pero no averiguó nada sobre ella.

No obstante lo cual, el jefe de la estación expidió telegramas a las estaciones del trayecto, ascendentes y descendentes, y le prometió ejercer una vigilancia minuciosa. En seguida, después de comprar un sombrero para el duquesito en una tienda de novedades que se disponía a cerrar, míster Otis cabalgó hasta Bexley, pueblo situado cuatro millas más allá, y que, según le dijeron, era muy frecuentado por los gitanos.

Hicieron levantarse al guarda rural, pero no pudieron conseguir ningún dato de él. Así es que, después de atravesar la plaza, los dos jinetes tomaron otra vez el camino de casa, llegando a Canterville a eso de las once, rendidos de cansancio y con el corazón desgarrado por la inquietud.

Se encontraron allí con Washington y los gemelos, esperándolos a la puerta con linternas, porque la avenida estaba muy oscura.

No se había descubierto la menor señal de Virginia.

Los gitanos fueron alcanzados en el prado de Brockley, pero no estaba la joven entre ellos. Explicaron la prisa de su marcha, diciendo que habían equivocado el día en que debía celebrarse la feria de Chorton y que el temor de llegar demasiado tarde les obligó a darse prisa.

Además, parecieron desconsolados por la desaparición de Virginia, pues estaban agradecidísimos a míster Otis por haberles permitido acampar en su parque. Cuatro de ellos de quedaron detrás para tomar parte en las pesquisas.

El fantasma de Canterville

Был прочёсан с помощью драги сазановый пруд и обшарен каждый клочок земли в поместье, но безрезультатно.

Становилось всё более очевидным, что по крайней мере до следующего дня они Вирджинии не увидят. Мистер Оутис и мальчики возвращались в замок совершенно подавленные; за ними шёл грум, ведя обеих лошадей и пони.

В холле они увидели собравшихся кучкой перепуганных слуг, а в библиотеке на диване лежала бедная миссис Оутис, почти потерявшая рассудок от пережитых ею в этот страшный день волнений и ужасов; старая домоправительница то и дело смачивала ей одеколоном виски.

Мистер Оутис принялся уговаривать жену хоть немного поесть и велел подать ужин для всех собравшихся в замке.

Это была очень невесёлая трапеза, проходившая в полном молчании, и даже близнецы сидели притихшие и подавленные: они очень любили свою сестру.

После ужина мистер Оутис, как ни упрасивал его юный герцог разрешить ему не ложиться, отправил всех спать, заявив, что этой ночью всё равно уже ничего невозможно сделать, а утром он срочно вызовет по телеграфу сыщиков из Скотленд-Ярда.

Как раз в тот момент, когда они выходили из столовой, часы на церковной башне начали гулко бить полночь, и при звуке последнего удара раздался вдруг громкий треск, кто-то пронзительно закричал, и весь дом сотрясся от оглушительного раската грома. А когда в воздухе зазвучала завораживающе прекрасная, неземная музыка, стенная панель на верху лестницы с громким шумом отвалилась, и на лестничную площадку выступила бледная как полотно Вирджиния, с маленькой шкатулкой в руках.

Se hizo vaciar el estanque de las carpas. Registraron la finca en todos los sentidos pero no consiguieron nada.

Era evidente que Virginia estaba perdida, al menos por aquella noche, y fue con un aire de profundo abatimiento como entraron en casa míster Otis y los jóvenes, seguidos del «groom», que llevaba de las bridas al caballo y al «poney».

En el «hall» encontráronse con el grupo de criados, llenos de terror. La pobre mistress Otis estaba tumbada sobre un sofá de la biblioteca, casi loca de espanto y de ansiedad, y la vieja ama de gobierno le humedecía la frente con agua de colonia.

Fue una comida tristísima.

No se hablaba apenas, y hasta los mismos gemelos parecían despavoridos y consternados, pues querían mucho a su hermana.

Cuando terminaron, míster Otis, a pesar de los ruegos del duquesito, mandó que todo el mundo se acostase, ya que no podía hacer cosa alguna aquella noche; al día siguiente telegrafiaría a Scotland Yard para que pusieran inmediatamente varios detectives a su disposición.

Pero he aquí que en el preciso momento en que salían del comedor sonaron las doce en reloj de la torre. Apenas acababan de extinguirse las vibraciones de la última campanada, cuando oyóse un crujido acompañado de un grito penetrante. Un trueno formidable bamboleó la casa, una melodía, que no tenía nada de terrenal, flotó en el aire. Un lienzo de la pared se despegó bruscamente en lo alto de la escalera, y sobre el rellano, muy pálida, casi blanca, apareció Virginia, llevando en la mano una cajita.

Кентервильское привидение

Все гурьбой ринулись к ней. Миссис Оутис крепко её обняла, юный герцог осыпал её пылкими поцелуями, а близнецы скакали вокруг неё в каком-то диком воинственном танце.

— О Боже, девочка моя! Где ты всё это время пропадала? — спросил мистер Оутис, стараясь придать голосу строгие нотки, ибо полагал, что это был всего лишь глупый розыгрыш.

— Мы с Сесилом объездили всё вокруг, разыскивая тебя, а твоя мама чуть не умерла от страха. Никогда больше не шути так с нами!

— Шутить разрешается только с привидением! С при-ви-де-ни-ем! — громко скандировали близнецы, выделывая ногами всё новые и новые антраша.

— Милая моя, родная, нашлась, слава Богу! — твердила миссис Оутис, целуя дрожащую дочь и разглаживая её спутанные золотые локоны. — Никогда больше не оставляй меня так надолго!

— Папа, — проговорила Вирджиния негромким голосом, — я провела весь этот вечер с духом. Он умер, и вы должны пойти взглянуть на него. Он при жизни поступал очень дурно, но раскаялся в своих грехах и подарил мне на память эту шкатулку с драгоценностями.

Все глядели на неё в немом изумлении, но она говорила совершенно серьёзно. Повернувшись, она повела их к отверстию в стенной панели, через которое они попали в узкий потайной коридор, по которому и направились дальше. Вашингтон с зажжённой свечой, взятой им со стола, замыкал процессию.

Спустя какое-то время они пришли к тяжёлой, обитой ржавыми гвоздями дубовой двери на массивных петлях.

Inmediatamente se precipitaron todos hacia ella. Mistress Otis la estrechó apasionadamente contra su corazón. El duquesito casi la ahogó con la violencia de sus besos, y los gemelos ejecutaron una danza de guerra salvaje alrededor del grupo.

— ¡Ah...! ¡Hija mía! ¿Dónde te habías metido? — dijo mister Otis, bastante enfadado, creyendo que les había querido dar una broma a todos ellos—.

Cecil y yo hemos registrado toda la comarca en busca tuya, y tu madre ha estado a punto de morir de espanto. No vuelvas a dar bromitas de ese género a nadie.

— ¡Menos al fantasma, menos al fantasma! — gritaron los gemelos, continuando sus cabriolas.

— Hija mía querida, gracias a Dios que te hemos encontrado; ya no nos volveremos a separar — murmuraba mistress Otis, besando a la muchacha, toda trémula, y acariciando sus cabellos de oro, que se desparramaban sobre sus hombros.

— Papá — dijo dulcemente Virginia —, estaba con el fantasma. Ha muerto ya. Es preciso que vayáis a verle. Fue muy malo, pero se ha arrepentido sinceramente de todo lo que había hecho, y antes de morir me ha dado esta caja de hermosas joyas.

Toda la familia la contempló muda y aterrada, pero ella tenía un aire muy solemne y muy serio. En seguida, dando media vuelta, les precedió a través del hueco de la pared y bajaron a un corredor secreto. Washington los seguía llevando una vela encendida, que cogió de la mesa.

Por fin, llegaron a una gran puerta de roble erizada de recios clavos.

El fantasma de Canterville

Стоило Вирджинии коснуться двери, как та сразу же распахнулась, впус­тив их в низенькую каморку со сводчатым потолком и очень маленьким зарешечённым окош­ком.

К вмурованному в стену огромному железному кольцу был прикован цепью край­не измождённый скелет, расп­ростёртый во всю длину на каменном полу. Кажется, он пытается дотянуться своими длинными костлявыми пальцами до старинного блюда и кувшина, поставленных так, чтобы он их не мог достать.

Кувшин, очевидно, был когда-то наполнен водой, если судить по остаткам зелёной плесени, покрывавшей его внутри.

На блюде оставалась лишь горстка пыли.

Вирджиния опустила­сь на колени возле скелета и, сложив вместе свои маленькие руки, начала беззвучно молиться, а остальные с изумлением взирали на всё это, понимая, что перед ними открылась тайна произошедшей некогда ужасной трагедии.

— Смотрите! Смотрите! — внезапно воскликнул один из близнецов, который всё это время заглядывал в окошко, чтобы попытаться определить, в какой части замка они находятся.

— Расцвело сухое миндальное дерево! Я хорошо различаю цветки, потому что сегодня так ярко светит луна.

— Значит, Господь простил его! — торжественно произнесла Вирджиния, поднимаясь с колен, и всем стало казаться, что какое-то прекрасное сияние озарило её лицо.

— Вы ангел! — воскликнул юный герцог, обнимая и целуя её.

Virginia la tocó, y entonces la puerta giró sobre sus goznes enormes y se hallaron en una habitación estrecha y baja, con el techo abovedado, y que tenía una ventanita.

Junto a una gran argolla de hierro empotrada en el muro, con la cual estaba encadenado, veíase un largo esqueleto, extendido cuan largo era sobre las losas. Parecía estirar sus dedos descarnados, como intentando llegar a un plato y a un cántaro, de forma antigua, colocados de tal forma que no pudiese alcanzarlos.

El cántaro había estado lleno de agua, indudablemente, pues tenía su interior tapizado de mohó verde.

Sobre el plato no quedaba más que un montón de polvo.

Virginia se arrodilló junto al esqueleto, y, uniendo sus manitas, se puso a rezar en silencio, mientras la familia contemplaba con asombro la horrible tragedia cuyo secreto acababa de ser revelado.

—¡Atiza! —exclamó de pronto uno de los gemelos, que había ido a mirar por la ventanita, queriendo adivinar de qué lado del edificio caía aquella habitación—.

¡Atiza! El antiguo almendro, que estaba seco, ha florecido. Se ven admirablemente las hojas a la luz de la luna.

—¡Dios le ha perdonado! —dijo gravemente Virginia, levantándose. Y un magnífico resplandor parecía iluminar su rostro.

—¡Eres un ángel! —exclamó el duquesito, ciñéndole el cuello con sus brazos y besándola.

Глава седьмая

Через четыре дня после этих необыкновенных событий, где-то за час до полуночи, из Кентервильского замка выехал траурный кортеж.

В катафалк было впряжено восемь чёрных лошадей, и у каждой на голове покачивался пышный султан из страусовых перьев; на свинцовый гроб был накинут богатый пурпурный покров с гербом Кентервилей, вытканым золотом.

Рядом с катафалком и экипажами шествовали слуги с горящими факелами, и вся процессия производила необыкновенное впечатление.

Самый близкий родственник умершего, лорд Кентервиль, специально прибывший на похороны из Уэльса, ехал вместе с маленькой Вирджинией в первой карете.

За ними следовал посланник Соединённых Штатов с супругой, потом Вашингтон и три мальчика.

Замыкала процессию карета, в которой сидела миссис Амни, — ни у кого не возникало сомнений, что, поскольку привидение пугало эту достойную особу более пятидесяти лет её жизни, у неё есть все основания проводить его в последний путь.

Выйдя из карет, скорбящие подошли к глубокой могиле, вырытой в углу погоста, прямо под тисовым деревом, и преподобный Огастус Дэмпир с большим воодушевлением прочитал заупокойную молитву.

Capítulo VII

Cuatro días después de estos curiosos sucesos, a eso de las once de la noche, salía un fúnebre cortejo de Canterville-House.

El carro iba arrastrado por ocho caballos negros, cada uno de los cuales llevaba adornada la cabeza con un gran penacho de plumas de avestruz, que se balanceaban. La caja, de plomo, iba cubierta con un rico paño de púrpura, sobre el cual estaban bordadas en oro las armas de los Canterville.

A cada lado del carro y de los coches marchaban los criados llevando antorchas encendidas. Toda aquella comitiva tenía un aspecto grandioso e impresionante.

Lord Canterville presidía el duelo; había venido del país de Gales expresamente para asistir al entierro, y ocupaba el primer coche, con la pequeña Virginia.

Después iban el ministro de los Estados Unidos y su esposa, y detrás, Washington y los dos muchachos. En el último coche iba mistress Umney.

Todo el mundo convino en que, después de haber sido atemorizada por el fantasma, por espacio de más de cincuenta años, tenía realmente derecho de verle desaparecer para siempre.

Cavaron una profunda fosa en un rincón del cementerio, precisamente bajo el tejo centenario, y dijo las últimas oraciones, del modo más patético, el reverendo Augusto Dampier.

El fantasma de Canterville

Когда пастор умолк, слуги, по древнему обычаю рода Кентервилей, потушили свои факелы, а когда гроб стали опускать в могилу, Вирджиния приблизилась к нему и возложила на крышку большой крест, сплетённый из белых и розовых цветков миндаля.

В этот момент из-за облака выплыла луна, заливая маленькое кладбище призрачным серебром, а в отдалённой роще запел соловей.

Вирджиния вспомнила, как привидение описывало Сад Смерти, глаза её наполнились слезами, и на всём обратном пути она не проронила ни слова.

На следующее утро, прежде чем лорд Кентервиль уехал в Лондон, мистер Оутис завёл с ним разговор о драгоценностях, подаренных Вирджинии привидением.

Они были великолепны, особенно рубиновое ожерелье в венецианской оправе — редкостный образец работы XVI века; их ценность была столь велика, что мистер Оутис считал невозможным позволить дочери их принять.

— Милорд, — сказал посланник, — я знаю, что в вашей стране «право мёртвой руки» [«Право мёртвой руки» — неотчуждаемое право владеть недвижимостью.] распространяется не только на земельную собственность, но и на фамильные драгоценности, и для меня является очевидным, что украшения, переданные моей дочери, на самом деле принадлежат вашему роду или, во всяком случае, должны ему принадлежать.

А поэтому я прошу вас забрать их с собой в Лондон и рассматривать их как часть по праву принадлежащего вам имущества, которая была возвращена законному владельцу, хотя и при нескольких странных обстоятельствах.

Luego, al bajar la caja a la fosa, Virginia se adelantó, colocando encima de ella una gran cruz hecha con flores de almendro, blancas y rojas.

En aquel momento salió la luna de detrás de una nube e inundó el cementerio con sus silenciosas oleadas de plata, y de un bosquecillo cercano se elevó el canto de un ruiseñor.

Virginia recordó la descripción que le hizo el fantasma del jardín de la Muerte; sus ojos se llenaron de lágrimas y apenas pronunció una palabra durante el regreso.

A la mañana siguiente, antes que lord Canterville partiese para la ciudad, mistress Otis conferenció con él respecto de las joyas entregadas por el fantasma a Virginia.

Eran soberbias, magníficas. Había, sobre todo, un collar de rubíes, en una antigua montura veneciana, que era un espléndido trabajo del siglo XVI, y el conjunto representaba tal cantidad que mister Otis sentía vivos escrúpulos en permitir a su hija que se quedase con ellas.

—Milord —dijo el ministro—, sé que en éste país se aplica la mano muerta lo mismo a los objetos menudos que a las tierras, y es evidente, evidentísimo para mí, que estas joyas deben quedar en poder de usted como legado de familia.

Le ruego, por tanto, que consienta en llevárselas a Londres, considerándolas simplemente como una parte de su herencia que le fuera restituida en circunstancias extraordinarias.

Кентервильское привидение

Что касается моей дочери, то она ещё ребёнок и пока что, слава Богу, мало интересуется такого рода дорогими безделушками.

К тому же миссис Оутис сообщила мне, — а она, должен сказать, провела в юности несколько зим в Бостоне и неплохо разбирается в вопросах искусства, — что эти украшения имеют большую денежную ценность, и если бы были предложены для продажи, за них можно было бы получить солидную сумму.

В этих обстоятельствах, лорд Кентервиль, я, как вы должны понимать, не могу допустить, чтобы они перешли к кому-нибудь из членов моей семьи. Да и вообще такого рода безделушки, какими бы уместными или необходимыми, с точки зрения поддержания престижа, они ни казались в глазах британской аристократии, совершенно ни к чему тем, кто воспитан в строгих и, я бы сказал, непоколебимых республиканских принципах простоты.

Впрочем, не стану скрывать, что Вирджиния была бы счастлива, если бы вы позволили ей сохранить саму шкатулку в память о вашем несчастном заблудшем предке.

Поскольку вещь эта старая и достаточно ветхая, вы, быть может, и в самом деле найдёте возможным исполнить её просьбу.

Я же со своей стороны должен признаться, что крайне удивлён интересом моей дочери к чему-либо средневековому и могу объяснить это лишь тем, что Вирджиния родилась в одном из пригородов Лондона вскоре после того, как миссис Оутис возвратилась из поездки в Афины.

Лорд Кентервиль выслушал речь почтенного посланника с величайшим вниманием и лишь изредка поддёргивал себя за седые усы, чтобы скрыть невольную улыбку. Когда мистер Оутис закончил, он крепко пожал ему руку и сказал:

En cuanto a mi hija, no es más que una chiquilla, y hasta hoy, me complace decirlo, siente poco interés por estas futilidades de lujo superfluo.

He sabido igualmente por mistress Otis, cuya autoridad no es despreciable en cosas de arte, dicho sea de paso, pues ha tenido la suerte de pasar varios inviernos en Boston, siendo muchacha, que esas piedras preciosas tienen un gran valor monetario, y que si se pusieran en venta producirían una bonita suma.

En estas circunstancias, lord Canterville, reconocerá usted, indudablemente, que no puedo permitir que queden en manos de ningún miembro de la familia. Además de que todos esos «bibelots» y todos esos juguetes, por muy apreciados y necesitados que sean a la dignidad de la aristocracia británica, estarían fuera de lugar entre personas educadas según los severos principios, pudiera decirse, de la sencillez republicana.

Quizá me atrevería a asegurar que Virginia tiene gran interés en que la deje usted la cajita que encierra esas joyas, en recuerdo de las locuras y el infortunio del antepasado.

Y como esa caja está muy vieja y, por consiguiente, deterioradísima, quizá encuentre usted razonable acoger favorablemente su petición.

En cuanto a mí, confieso que me sorprende grandemente ver a uno de mis hijos demostrar interés por una cosa de la Edad Media, y la única explicación que le encuentro es que Virginia nació en un barrio de Londres, al poco tiempo de regresar mistress Otis de una excursión a Atenas.

Lord Canterville escuchó imperturbable el discurso del digno ministro, atusándose de cuando en cuando su bigote gris, para ocultar una sonrisa involuntaria. Una vez que hubo terminado mister Otis, le estrechó cordialmente la mano, y contestó:

El fantasma de Canterville

— Дорогой мистер Оутис, ваша прелестная дочь оказала моему несчастному предку, сэру Саймону, поистине неоценимую услугу, и я, как и все мои родственники, чрезвычайно признателен ей за это и восхищён её поразительной отвагой и самоотверженностью.

Драгоценности по праву принадлежат только ей, и если бы я забрал их у неё, то, ей-Богу, я проявил бы такое бессердечие, что через каких-нибудь пару недель старый грешник непременно вышел бы из могилы и не давал бы мне покоя до конца дней моих.

Что же до того, являются ли эти драгоценности фамильными, то их, несомненно, нельзя считать таковыми, поскольку среди них нет ни одного предмета, который был бы упомянут в завещании или ином юридическом документе, и об их существовании до сих пор не было известно.

Уверяю вас, у меня на них столько же прав, сколько, например, у вашего дворецкого, и я не сомневаюсь, что, когда мисс Вирджиния станет взрослой, она с удовольствием их будет носить.

К тому же вы забываете, мистер Оутис, что купили замок вместе с мебелью и привидением, а стало быть, всё, что принадлежало привидению, автоматически стало вашей собственностью — ведь, хотя сэр Саймон и проявлял по ночам некоторую активность, с точки зрения закона он считается мёртвым, а значит, покупая поместье, вы приобрели также и всю его личную собственность.

—Mi querido amigo, su encantadora hijita ha prestado un servicio importantísimo a mi desgraciado antecesor. Mi familia y yo la estamos reconocidísimos por su maravilloso valor y por la sangre fría que ha demostrado.

Las joyas le pertenecen, sin duda alguna, y creo, a fe mía, que si tuviese yo la suficiente insensibilidad para quitárselas, el viejo tunante saldría de su tumba al cabo de quince días para infernarme la vida.

En cuanto a que sean joyas de familia, no podrían serlo sino después de estar especificadas como tales en un testamento, en forma legal, y la existencia de estas joyas permaneció siempre ignorada.

Le aseguro que son tan mías como de su mayordomo. Cuando miss Virginia sea mayor, sospecho que le encantará tener cosas tan lindas que llevar.

Además, míster Otis, olvida usted que adquirió usted el inmueble y el fantasma bajo inventario. De modo que todo lo que pertenece al fantasma le pertenece a usted. A pesar de las pruebas de actividad que ha dado sir Simón por el corredor, no por eso deja de estar menos muerto, desde el punto de vista legal, y su compra le hace a usted dueño de lo que le pertenecía a él.

Кентервильское привидение

Мистера Оутиса немало огорчил отказ лорда Кентервиля принять драгоценности, и он просил его изменить своё решение, но благородный пэр был твёрд и в конце концов уговорил посланника позволить дочери оставить подарок, сделанный привидением. Когда весной 1890 года молодую герцогиню Чеширскую представляли по случаю её бракосочетания самой королеве, её драгоценности вызвали всеобщее восхищение.

Да, да, герцогиня Чеширская это и есть наша маленькая Вирджиния, ибо она, выйдя замуж за своего юного поклонника, едва он достиг совершеннолетия, стала герцогиней и получила герцогскую корону — награду, которую получают за образцовое поведение все американские девочки.

Вирджиния и юный герцог были так очаровательны и так влюблены друг в друга, что их союз привёл всех в восторг, за исключением старой маркизы Дамблтон, которая пыталась пристроить за герцога одну из своих семи незамужних дочерей и дала с этой целью целых три дорогих званых обеда, а также, как ни странно, самого мистера Оутиса.

При всей своей личной привязанности к молодому герцогу, он теоретически был против титулов и в данном случае, если привести его собственные слова, «опасался, как бы из-за расслабляющего влияния приверженной наслаждениям аристократии не были бы забыты незыблемые принципы республиканской простоты».

Но в конце концов его удалось убедить в обоснованности его опасений, и когда он вёл свою дочь к алтарю церкви святого Георгия, что на Ганновер-сквер, то, мне кажется, вряд ли во всей Англии можно было бы сыскать человека счастливее его.

Míster Otis se quedó muy preocupado ante la negativa de lord Canterville, y le rogó que reflexionara nuevamente su decisión; pero el excelente par se mantuvo firme y terminó por convencer al ministro de que aceptase el regalo del fantasma. Cuando, en la primavera de 1890, la duquesita de Cheshire fue presentada por primera vez en la recepción de la reina, con motivo de su casamiento, sus joyas fueron motivo de general admiración.

Porque Virginia fue agraciada con el tortil o lambrequín de baronía, que se otorga como recompensa a todas las americanitas juiciosas, y se casó con su novio en cuanto éste tuvo edad para ello.

Eran ambos tan agradables y se amaban de tal modo, que a todo el mundo le encantó ese matrimonio, menos a la vieja marquesa de Dumbleton, que venía haciendo todo lo posible por atrapar al duquesito y casarle con una de sus siete hijas. Para conseguirlo dio lo menos tres grandes comidas costosísimas.

Cosa rara: míster Otis sentía una gran simpatía personal por el duquesito, pero teóricamente era enemigo del «particularismo», y, según sus propias palabras, «era de temer que, entre las influencias debilitantes de una aristocracia ávida de placer, fueran olvidados por Virginia los verdaderos principios de la sencillez republicana».

Pero nadie hizo caso de sus observaciones, y cuando avanzó por la nave lateral de la iglesia de San Jorge, en Hannover Square, llevando a su hija del brazo, no había hombre más orgulloso en toda Inglaterra.

El fantasma de Canterville

По окончании медового месяца герцог и герцогиня отправились в Кентервильский замок и на второй день пребывания там посетили заброшенное кладбище близ соснового бора.

Им долго не удавалось придумать эпитафию для надгробия сэра Саймона, и в конце концов они решили ограничиться его инициалами, а также стихами, начертанными на окне библиотеки.

Герцогиня принесла с собой свежие розы и усыпала ими могилу. Немного постояв над местом вечного упокоения Кентервильского привидения, они направились к полуразрушенной старинной церквушке.

Герцогиня присела на упавшую колонну, а её молодой супруг расположился у её ног. Он курил и молча любовался её прекрасными глазами.

Вдруг он выбросил недокуренную папиросу, взял её за руку и сказал:

— Вирджиния, у жены не должно быть секретов от мужа.

— У меня нет от тебя секретов, дорогой Сесил.

— А вот и есть, — ответил он улыбаясь. — Ты ведь никогда не рассказывала мне, что случилось, когда вы заперлись вдвоём с привидением.

— Я никому этого не рассказывала, Сесил, — сказала Вирджиния, посерьёзнев.

— Знаю, но мне ты могла бы рассказать.

Después de la luna de miel, el duque y la duquesa regresaron a Canterville-Chase, y al día siguiente de su llegada, por la tarde, fueron a dar una vuelta por el cementerio solitario próximo al pinar.

Al principio le preocupó mucho lo relativo a la inscripción que debía grabarse sobre la losa fúnebre de sir Simón, pero concluyeron por decidir que se pondrían simplemente las iniciales del viejo gentilhomme y los versos escritos en la ventana de la biblioteca.

La duquesa llevaba unas rosas magníficas, que desparramó sobre la tumba; después de permanecer allí un rato, pasaron por las ruinas del claustro de la antigua abadía.

La duquesa se sentó sobre una columna caída, mientras su marido, recostado a sus pies y fumando un cigarrillo, contemplaba sus lindos ojos.

De pronto tiró el cigarrillo y, tomándole una mano le dijo:

—Virginia, una mujer no debe tener secretos con su marido.

—Y no los tengo, querido Cecil. —Sí los tienes —respondió sonriendo—.

No me has dicho nunca lo que sucedió mientras estuviste encerrada con el fantasma.

—Ni se lo he dicho a nadie —replicó gravemente Virginia.

—Ya lo sé; pero bien me lo podrías decir a mí.

Кентервильское привидение

— Ну пожалуйста, Сесил, не надо меня просить, я не могу этого рассказывать. Бедный сэр Саймон! Я столько ему обязана! Не смейся, Сесил, это действительно так. Он открыл для меня, что есть Жизнь, и что есть Смерть, и почему Любовь сильнее Жизни и Смерти.

Герцог встал и нежно поцеловал жену.

— Что ж, пусть эта тайна будет твоей, лишь бы твоё сердце было моим, — прошептал он ей на ухо.

— Оно всегда было твоим, Сесил.

— Но ведь нашим детям ты расскажешь когда-нибудь?

Вирджиния покраснела.

—Cecil, te ruego que no me lo preguntes. No puedo realmente decírtelo. ¡Pobre sir Simón! Le debo mucho. Sí; no te rías, Cecil; le debo mucho realmente. Me hizo ver lo que es la vida, lo que significa la muerte y por qué el amor es más fuerte que la muerte.

El duque se levantó para besar amorosamente a su mujer.

—Puedes guardar tu secreto mientras yo posea tu corazón —dijo a media voz.

—Siempre fue tuyo.

—Y se lo dirás algún día a nuestros hijos, ¿verdad?

Virginia se ruborizó.

Больш книг-білінгв на bilinguator.com
More bilingual books on bilinguator.com
Więcej dwujęzycznych książek na bilinguator.com
Больше книг-билингв на bilinguator.com
Більше книг-білінгв на bilinguator.com

2024